

NEW YORK TIMES BESTSELLER

ДРУЗЬЯ И НЕЗНАКОМЦЫ

КОРТНИ ДЖ. САЛЛИВАН

Время женщин

Кортни Салливан

Друзья и незнакомцы

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Салливан К. Д.

Друзья и незнакомцы / К. Д. Салливан — «Издательство АСТ»,
2020 — (Время женщин)

ISBN 978-5-17-139034-1

Когда-то у Элизабет была жизнь, о которой можно только мечтать: интересная работа, карьера успешного писателя и счастливый брак. Но с рождением сына она вынуждена перебраться из шумного Нью-Йорка в уютный, но невыносимо скучный городок, где ей предстоит освоить новые роли — матери и счастливой домохозяйки. И поначалу мысль об идиллическом будущем кажется Элизабет заманчивой, но реальность оказывается не столь привлекательной. На работу почти не остается времени, материнство изматывает, и очень быстро Элизабет начинает тяготиться своим новым положением. Все меняется, когда она нанимает няню — Сэм. Эта молодая и амбициозная девушка врывается в ее жизнь как свежий ветер, напомнив, каково это — надеяться и мечтать. Ведь впереди у Сэм вся жизнь... но проблема в том, что девушка не знает, как ею распорядиться. И кажется, что их знакомство — это начало хорошей дружбы, но часто люди, которых мы встречаем, наши друзья и наши возлюбленные так и остаются для нас неизведанными и непознанными, словно случайные попутчики, словно незнакомцы...

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-139034-1

© Салливан К. Д., 2020

© Издательство АСТ, 2020

Содержание

1	7
2	12
3	21
4	40
5	46
6	62
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Кортни Дж. Салливан
Друзья и незнакомцы
Лео и Стелле

2014–2015

1

Элизабет

Она проснулась в тишине. В этот час не спят только матери и страдающие от бессонницы. Ей не обязательно было смотреть на часы, чтобы знать – через несколько секунд ребенок заплачет; и она возьмет его из кровати, еще не вполне открыв глаза спросонья; и изнеможение уступит место смирению, преданности, стоит ей только почувствовать теплую тяжесть его тельца.

При виде спящего мужа ее внезапно обожгла вспышка ярости, но она быстро угасла, и Элизабет, на ходу снимая с малыша подгузник, спускалась по лестнице, спрашивая себя: что произойдет, если она уронит ребенка, если он умрет? Ответ был таким же привычным, как и вопрос: она просто выйдет в окно. На том и порешив, Элизабет поцеловала младенца в макушку.

Видеоаффирмация, которую она нашла в Интернете, затянула успокаивающим тоном: «Каждый раз, когда я кормлю ребенка, я выпиваю стакан воды. Так я напоминаю себе, что тоже заслуживаю заботу». Хотя чтобы налить в стакан воды, требовалось больше сил, чем у нее сейчас было, но, подумала она, достаточно знать, что она должна это сделать.

В гостиной глаза уже свыклились с темнотой. Она разглядела черные и сизые тени от стеклянной посуды и золотой кофейный столик, с которым вскоре предстояло расстаться, пару кресел, горшок с фиговым деревом под два метра высотой, чьи листья напоминали скрипку. Она расставила все предметы так же, как они стояли в их бруклинской квартире, но здесь все выглядело как-то иначе.

Элизабет нагнулась и достала из-под дивана уродливую подушку с дурацким названием. *Мой сисечный друг*. Кто-то, она уже не помнила кто, вручил ей подушку перед рождением ребенка, заверив, что это подарок богов. Это оказалось правдой, хотя она и чувствовала себя так, будто напялила спасательный жилет, всякий раз застегивая ее на талии.

Она села, уложив ребенка на колени. Задрала футболку, расстегнула лифчик. Малыш вцепился в нее и начал ритмично сосать, еще четыре месяца назад это невозможно было себе представить. Чтобы выписаться из больницы после родов, она обязана была посетить часовой семинар по грудному вскармливанию. Весь тот час Элизабет проваливалась в сон, открывая глаза всякий раз, когда билась головой об стену.

Одной рукой она держала телефон над головой ребенка, заходя в «Фейсбук». Прямоком на страницу «Бруклинские мамочки», как обычно. Элизабет прокрутила ленту до того момента, где остановилась перед тем, как легла спать. Оповещения об обновлениях на странице приходили ежеминутно. Здесь женщины составляли друг другу компанию. Она представила ряд темно-коричневых домов в старом районе, погруженных во тьму – за исключением светящихся экранов телефонов, связывающих их всех.

Был пост от женщины, просящей советов по поводу региональных полетов с тоддлером. Элизабет прочла все тринадцать комментариев с интересом несмотря на то, что у нее не было ни тоддлера, ни планов лететь куда-нибудь в обозримом будущем. Кто-то спрашивал о вакцине против гриппа. Кому-то срочно нужен был торт на день рождения в форме единорога. Мими Винчестер, недавно купившая таунхаус за три миллиона, продавала ношеную мальчиковую курточку, размер 2Т, за девять долларов.

Раньше Элизабет высмеивала таких женщин – женщин, окончивших престижные университеты и преуспевших на избранном поприще, но приходящих в ужас от мысли о стрижке

ногтей новорожденному. Теперь же они стали ее спасением – единственными живыми людьми, которых заботили все те же вопросы, что и ее; людьми, у которых на все были ответы. Они изучали быстро развивающийся язык, на котором говорили с неделю или две, прежде чем он менялся снова. Что еще делать с этим новоприобретенным знанием, как не делиться им. Женщина, чей ребенок был старше ее малыша на шесть недель, становилась пророком.

Через десять минут Элизабет поменяла стороны.

Появился новый пост.

Немного не в тему, но... в прошлом месяце мой муж, как обычно, не поехал со мной в гости к моим родителям в Миннеаполис. Там я случайно встретила своего бывшего со времен колледжа, он недавно развелся. Теперь мы переписываемся в любой час дня и ночи. Является ли это эмоциональной изменой? Должна ли я прекратить это общение? Потому что, блин, это ВЕСЕЛО, и я думаю, что заслужила немного поразвлечься.

На ее аватарке улыбающуюся загорелую блондинку обнимал высокий парень. Они стояли на белоснежном песчаном пляже, вдалеке виднелись пальмы. Возможно, их медовый месяц. Половина женщин в соцсетях по-прежнему использовала свадебные фотографии, включая, заметила Элизабет, и тех, кто больше других жаловался на своих бесполезных мужей.

Секреты, которые они поверяли друг другу, обескураживали. Группа была помечена как закрытая, но это всего лишь значило, что нужно отправить запрос на вступление. В группе состояло 4237 участников и, по крайней мере теоретически, большинство из них жили в пределах двадцати кварталов друг от друга. И все-таки это казалось безопасным местом. Вызывающим доверие и гарантирующим анонимность.

Одни и те же пятнадцать женщин комментировали каждый пост, каждая со своим предсказуемым мнением по тому или иному вопросу.

Когда кто-то спрашивал, заводить ли третьего ребенка, уверенная в своей правоте эко-активистка говорила, что она вот не завела, беспокоясь о глобальном потеплении и углеродном следе своей семьи. Стоило кому-то опубликовать рецепт курицы на скорую руку, и защитница природы в комментариях строчила манифест на тему того, почему растит своих детей веганами.

Мими Винчестер успела пожаловаться на свою квартиру (она бы убила за студию!), свою домработницу (она не помыла окна) и даже каким-то образом на свой дом в Хэмптоне (пробки!).

Сплетницы обожали сообщать о нянях, которые кормили ребенка вредной едой или болтали по телефону столько, что это казалось уже чересчур. Были и те, кто вставал на защиту нянь вне зависимости от их поведения.

Лучшая подруга Элизабет, Номи, говорила, что больше всего ее раздражали друзья, которые не делились своими проблемами при личном общении, зато постили их в группе бруклинских мамочек. Прошлой весной Таня, их подруга по колледжу, тоже живущая по соседству, провела целый вечер, болтая ни о чем, только чтобы два дня спустя опубликовать в группе пост о том, что она ищет адвоката по бракоразводным делам.

– Я не собираюсь говорить, что знаю об этом, пока она не скажет мне напрямую, – заявила Номи.

– Мне кажется, она считает, что ты увидишь ее пост на «Фейсбуке» и сама ее спросишь, – отозвалась Элизабет.

– Ну а я не стану.

Элизабет, как и большинство людей, оставалась молчаливым наблюдателем: редко комментировала, никогда не публиковала посты сама, несмотря на все то время, которое проводила на странице.

Не прошло и пяти минут, как двенадцать женщин посчитали, что переписка улыбающейся блондинки со своим бывшим парнем была ничем иным, как безобидным флиртом. Еще десять заявили, что ее надо немедленно прекратить.

Публикации такого рода появлялись примерно раз в месяц, выделяясь на фоне многочисленных вопросов о приучении к горшку и игровых группах. Кто-то признавался в алкоголизме мужа, неверности или навязчивом желании сбежать, и все остальные немедленно включались в обсуждение, взбудораженные причастностью к чьей-то тайне.

О таких постах Элизабет рассказывала Эндрю наутро, хотя и знала, что ему все равно. Часть удовольствия от группы заключалась в возможности обсудить ее с кем-то в реальной жизни. Она скучала по средам в Бруклине, когда Номи работала из дома и встречалась с ней, чтобы пообедать вместе в блинчиковой на Корт-стрит. И постоянно прокручивала в голове их последнюю встречу. Как они сидели и говорили, обе не желая заканчивать беседу, пока парень за прилавком не сказал, что кафе закрывается. Тогда подруги продолжили разговор на улице, в августовской липкой жаре, совсем как в тот день на парковке после выпускного в колледже.

Номи однажды поклялась, что никогда не будет жить в Бруклине. Когда она приезжала первый раз из Манхэттена на бранч, то сразу после, садясь в такси, провела рукой по лбу Элизабет, как Барбара Стрейзанд в фильме «Какими мы были», и сказала: «Прелестный райончик, Хаббел». Но это случилось за два года до того, как они с Брайаном переехали, купив четырехкомнатную квартиру с лифтом в новостройке с бассейном. Элизабет же жила только в пыльных рентовках, изъеденных плесенью, со скрипящими деревянными полами. В тех местах, о которых в объявлениях говорилось, что они обладали характером и шармом, если уж не центральным отоплением и прачечной в здании.

Долговечность их дружбы Элизабет отчасти списывала на то, что у них с Номи были противоположные вкусы на мужчин и недвижимость. Завидовать друг другу им не представлялось возможным.

– Совершаю ли я огромную ошибку? – спросила Элизабет, когда они прощались, заключив друг друга в объятия. Ее малыш спал в коляске.

– Да, – ответила Номи.

– Что-то не чувствую твоей поддержки.

– Я все еще зла на тебя из-за того, что ты уезжаешь.

– Я всегда говорила, что собираюсь.

– Но ты говорила об этом так долго, что в какой-то момент я уже перестала тебе верить.

Элизабет повезло иметь подругу, которая знала ее лучше всех и была рядом все это время.

Она предполагала, что именно по этой причине она так вцепилась в районную группу на «Фейсбуке»: это заставляло ее забыть, что теперь она живет за двести пятьдесят миль от Бруклина, в городе, где у нее нет друзей.

«Я твой друг», – говорил ей Эндрю.

Но мужья не считаются.

Он тоже не обзавелся здесь друзьями, но у него, по крайней мере, были сослуживцы и забавные истории о работе.

Чаще всего Элизабет брала Гила на прогулку после обеда и проходила мимо детской площадки, где мамы стояли кучкой, сплетничали, смеялись.

«Боже, ну ты же не новенькая в средней школе, – упрекала она себя. – Подойди и поздоровайся».

Они были взрослыми женщинами. Они должны быть милы, по крайней мере в лицо. Но подойти Элизабет так и не решилась. Ее останавливала странная помесь неловкости и усталости. И страх, что их компания все равно ей не понравится.

Несмотря на то, что она уже отговорила себя от желания познакомиться с женщинами на площадке, втайне Элизабет продолжала надеяться, что те заметят ее и помашут рукой, но они этого не сделали.

* * *

Младенец насытился и закрыл глаза, его голову тянуло вниз, как якорь на дно. Элизабет отнесла сына наверх и мягко, осторожно уложила в кроватку, как будто он был бомбой, которая грозила взорваться при неправильном обращении.

Те несколько часов, что оставались до его следующего пробуждения, она лежала в постели и не могла заснуть. Хотя понимала, что должна постараться, что новый день обещает быть суматошным. Интервью с потенциальной няней, письма, на которые нужно ответить, просто время с младенцем, которое заполнится непонятно чем. Но она все пялилась в телефон, не желая пропустить, как бруклинские мамочки разбирали эмоциональную измену блондинки.

Вайолет, ее терапевт, сказала бы, что Элизабет пытается отвлечься – от секрета, который она хранила от мужа, от проблем свекра, от отношений с собственными родителями, которые всегда были напряженными, но в последнее время стали совсем болезненными.

Элизабет обратилась к Вайолет без всякого намерения возвращаться потом неделя за неделей. Она всего лишь хотела, чтобы кто-то сказал ей, что у нее клиническая депрессия, или тревожность, или что причиной ее бегущих по кругу мыслей был дефицит белка. Ей хотелось получить четкий диагноз и простое лечение, что-то, что она могла купить в аптеке или магазине здорового питания и немедленно почувствовать себя лучше.

– Терапия так не работает, – предупредила Номи.

– Послеродовая депрессия реальна, – сказала Вайолет.

– Я знаю, что реальна, но дело не в ней, – возразила Элизабет, – я всегда была такой.

Сейчас она обратилась за помощью только из-за Гила. Почувствовала необходимость подлатать себя прежде, чем сын узнает обо всех ее поломках.

Вайолет сказала, надо помнить, мысли – это пар. И посоветовала прочесть Экхарта Толле.

Когда Элизабет гуглила информацию о Вайолет, то наткнулась на эссе, которое терапевт написала несколькими годами ранее для антологии о матерях и дочерях, так что ей было известно, что у Вайолет нет детей и ее мать умерла, а любимый старик отец страдал Альцгеймером.

Иногда на приеме, когда Элизабет жаловалась на свою семью, она спрашивала себя, не подавляет ли Вайолет желание закричать: «Моя идеальная мать мертва, мой отец не знает, кто я такая, а твои никчемные родители все живут и живут. Разве это честно?»

Вайолет много зевала, и это ранило Элизабет.

* * *

Открылись глаза. Она проснулась. Только так Элизабет могла быть уверена, что поспала. Десять минут? Час? Разобраться невозможно.

Было пять часов утра. Малыш проснется с минуты на минуту. Она подумала о том, как долго их тела еще будут синхронизироваться друг с другом так, что она всегда сможет предугадать, что ребенок будет делать.

Элизабет проверила страничку «Бруклинских мамочек», пока лежала в ожидании.

Женщина по имени Хезер написала около четырех, спрашивая, нужно ли сцеживать молоко после двух бокалов вина. Ей быстро ответил целый хор «нет». Хезер всех поблагодарила и призналась, что чувствует себя виноватой. Из-за того, что не получает достаточно витаминов и что ест «Орео», когда поклялась питаться только органической едой ради здоровья ребенка.

Чувство вины сближало их всех.

«Перестань загоняться, – написала одна из женщин. – Многовариантный анализ влияния “Орео” на здоровье – это опасный путь».

Элизабет призадумалась над этой фразой, удивленная.

Заплакал ребенок. День начался.

2

Летняя жара продлилась до середины сентября, но раннее утро радовало прохладой. Холодный ветер предвещал перемену погоды.

Перед работой Эндрю они прогуливались у пруда на территории местного колледжа, примерно повторяя свой прежний распорядок. В Бруклине они каждое утро доходили с коляской до ближайшей кофейни, заглядывали в окна новых ресторанов, здоровались с соседями, выгуливающими собак. Здесь не было ни кофеен, ни ресторанов в радиусе мили. Элизабет напонила себе, что этого она и хотела – природы, спокойствия, пения птиц.

Эндрю купил френч-пресс и теперь делал ей кофе по утрам. Когда они собирались на прогулку, он наливал напиток в термокружку.

– Где же настоящие студенты? – спросил Эндрю, когда они впервые шли по Мэйн-стрит, проходящей через главное университетское здание.

– Полагаю, вот, – она махнула рукой в сторону девушек вокруг. Те стояли группками у светофора, сидели на ступеньках кампуса, мчались на пары, сгорбившись под тяжестью рюкзаков. Ожившие фото из рекламных буклетов.

– Да быть не может, – ответил Эндрю, – они похожи на шестиклассниц.

Им навстречу бежали студентки – пара по физкультуре. Их белые ветровки хлопали на ветру, когда они пробежали мимо.

Большинство из них улыбались, глядя на спящего малыша в слинге у Элизабет. Та улыбалась в ответ, стараясь казаться веселой. Хотя на самом деле была раздражена: Эндрю, проснувшись, сообщил, что забыл ее предупредить – сегодня они ужинают у его родителей. Часы после работы оставались ее единственной возможностью побыть одной, без младенца, поболтать с мужем. Она не хотела жертвовать свободным временем ради ужина со свекрами.

Они дошли до середины пруда; к ветке дерева, склонившегося над водой, была привязана веревка. Элизабет представила пьяных студенток в обрезанных шортах, с криками катающихся на этой импровизированной тарзанке. Делющих неверный выбор, который в конечном итоге не имеет значения. У них еще все впереди.

– Эти сверчки отвратительны, – сказала она. – Это они же, сверчки? Такие здоровые. Ненавижу, когда они на меня садятся, а ты?

– На меня никто не садится, не знаю, – пожал плечами Эндрю.

– Ощущается вот так, – она ущипнула его за руку.

Он приподнял бровь.

«Отмечайте моменты, когда вы чувствуете, что обижаетесь, – говорит Вайолет. – Не придавайте им значения, просто принимайте к сведению».

Номи выразила это проще: «Ты, возможно, будешь ненавидеть Эндрю какое-то время после рождения ребенка. Он к тебе прикоснется – тебе, возможно, захочется умереть. Не переживай. Это пройдет».

Элизабет его не ненавидела. Ей повезло встретить такого доброго мужчину, как Эндрю, партнера, который ее так понимал. Но за последние месяцы столько всего изменилось. Иногда казалось, что они будто стоят по разным углам комнаты, набитой людьми, и видят друг друга, но не могут дотронуться. Она не понимала, как и когда им удастся вновь сойтись.

К тому же она кое-что от него скрывала, Вайолет называла это «токсичным».

«Отношения разрушает не то, что вы утаиваете, – сказала психотерапевт. Утаивание само по себе разрушает близость».

«Я понимаю, – ответила Элизабет. – Но думаю, это не тот случай».

Когда Эндрю ушел на работу, она решила принять душ.

На телефоне, оставленном на стуле за дверью, играли детские песенки. Малыша она устроила в переноске на полу. Гил начал плакать на середине песни «Эта земля – твоя земля». Элизабет смыла с волос кондиционер и выключила воду. Уже неделю ей не удавалось побрить ноги.

Завернувшись в полотенце, она взяла Гила на руки.

Выйдя из ванной, Элизабет взяла телефон и просияла, увидев сообщение от Номи.

«Брайан ведет себя странно. Он либо завел интрижку, либо планирует что-то на мой день рождения».

«День рождения», – написала в ответ Элизабет. Тут и думать было нечего. Брайан был способен на многое, но обманщиком он не был.

«Откуда такая уверенность?»

«Он последний человек на земле, который заведет роман на стороне».

«Но разве это всегда не тот, кого меньше всего подозреваешь?»

«Нет, тот, кого меньше всего подозреваешь, это убийца. Когда дело касается неверности, это тот, кого подозреваешь больше всего».

Они больше не разговаривали – голосом. Больше не было «привет» и «пока», только один не кончающийся диалог, который они продолжали с того места, где остановились, в течение дня. Если бы ее лучшая подруга позвонила ей по телефону, это бы означало, что кто-то умер. Или, в те времена, когда они обе жили в Бруклине, что она закрыла себя в квартире.

«Что насчет няни, есть прогресс?» – спросила Номи.

«Интервьюирую кое-кого через час».

Друзья Элизабет, живущие в городе, нанимали нянь родом с Карибов или из Тибета и платили им за то, чтобы они стали для их детей бабушками, какими не смогли стать их собственные матери. Хочется найти кого-то, кто любит твоего ребенка и поддерживает тебя, не осуждая. Кто не потягивает вино, сидя на твоём диване, пока ребенок плачет, или говорит тебе, что ты должна была прикрыть грудь в компании приятелей.

Она слышала самые разные жалобы друзей о странном поведении их родителей после появления ребенка. Элизабет бы с радостью поменялась с ними местами. Прошло уже четыре месяца, а ее родители все еще не видели Гила.

Отец, похоже, считал, что это она должна была привезти ему малыша.

– В это время года Аризона прекрасна, – говорил он. – Идеальное место для детей. Они могут бегать повсюду.

– Но мой сын не бегает, – возражала она. – Он еще даже не сидит.

Когда родился Гил, ее мать была в круизе по Рейну. Она прислала ему кружку и миску, сделанные монахинями из Бухареста, и с тех пор не предприняла ни единой попытки навестить внука.

Так много людей – даже те, кого Элизабет не знала – отпускали комментарии насчет ее матери. В Бруклине Номи зашла проведать ее со своей мамой. Та связала Гилу одеяло.

– Нет ничего лучше, чем быть бабушкой, – заметила она. – Твоя мама наверняка на седьмом небе.

Элизабет улыбнулась и кивнула, зная, что мать Номи думала о семье другого типа, такой, которая была у нее самой.

Лет с двадцати она освободилась от родительской опеки. Они не справляли вместе праздники. Элизабет никогда не приезжала в Калифорнию, чтобы их навестить. Но обзаведясь своей семьей, она стала больше задумываться о той, из которой была родом.

Она не думала, что ее заденет, когда ее сдержанная, невнимательная мать неизбежно превратится в сдержанную, невнимательную бабушку. Но все-таки иногда это ее волновало. Теперь родители казались ей фигурами более значительными, чем когда бы то ни было в ее сознательной жизни.

– Мы переезжаем потому, что я меняю сферу деятельности, но еще чтобы быть ближе к маме и папе, – все повторял и повторял Эндрю в течение нескольких недель перед отъездом, оттачивая свою версию происходящего. – Их присутствие рядом будет большой подмогой.

Элизабет поджимала губы всякий раз, когда он это говорил. Теоретически, Фэй и Джордж были в восторге от своей новой роли бабушки и дедушки. Но помощи от них не было. Случись ребенку обкакаться в присутствии ее свекрови, как Фэй отодвигала его от себя, сморщив нос, и говорила: «Кажется, кому-то пора поменять подгузник». В тот единственный раз, когда Элизабет попросила ее присмотреть за Гилом, пока бегала в магазин на десять минут, она вернулась домой и обнаружила, что они смотрят Доктора Филадельфии. Взгляд малыша был прикован к лицам на большом телевизоре Фэй.

Фэй была учительницей начальных классов, что, как казалось Элизабет, предполагало, что она будет прекрасной бабушкой. Но похоже, что уходом за детьми свекровь уже пресытилась на работе. Она могла обожать Гила, но нести за него ответственность не собиралась.

Джордж души не чаял в малыше, но в последнее время был погружен в свои проблемы.

Насколько Элизабет могла судить, большинство детей в их новом районе ходили на полдня в садик или сидели дома с матерями.

Дебби в доме напротив была домохозяйкой, замужем за страховщиком. Другие женщины с улицы Лорел занимались чем-то, что могло подразумевать что угодно или вообще умным словом прикрывать безделье: Мэлоди работала риэлтором. Пэм преподавала йогу. Казалось, они все время сидели дома.

Элизабет предполагала, что о ней они могли сказать то же самое. Мало что было более унижительным, чем встретить на вечеринке незнакомца, спрашивающего, чем она зарабатывает на жизнь. «Я писатель», – отвечала она, и неизменно ловила на себе неловкий взгляд незнакомца. «Что-то уже опубликовали?» – неизменно следовал второй вопрос, задаваемый осторожно, и когда Элизабет говорила, что да, две книги, на лице незнакомца появлялся ужас, как будто она сейчас попытается продать ему свои книги, достав их из багажника машины.

Было попроще, когда рядом оказывался Эндрю. Он мог похвастаться ее успехами так, как никогда не выходило у нее самой. «Ее первая книга стала бестселлером», – мог бы сказать муж. Или «“Саймон и Шустер” подписали с ней контракт на три книги».

Эта третья книга, которую нужно сдать через год и к которой она еще не приступила, и стала причиной, по которой Элизабет решила нанять кого-то присматривать за Гилом. У нее еще даже не родилась идея для книги. Это было совсем на нее не похоже. Обычно, как только она сворачивала один проект, она уже мысленно погружалась в следующий и ей не терпелось начать. Она ожидала, что к этому времени уже захочет вернуться к работе. Но сейчас едва помнила о прежних амбициях.

По опыту друзей Элизабет знала, что поиск няни походил на свидания, только хуже – большинство оказывались неудачниками, с которыми с самого начала не возникало притяжения, но нужно было досидеть до конца. Иногда тебе нравился кто-то, кто предпочел тебе другого. Номи без долгих раздумий наняла женщину, которая, как оказалось, подделывала свои рекомендательные письма. Это потрясло их обеих.

Когда Элизабет рассказала своей соседке Стефани, что ищет няню, Стефани заявила, что это главное преимущество жизни в городке, где находится небольшой женский колледж.

– У меня было несколько студентов, они хорошо справились, – сказала она. – Достаточно хорошо, дом никто не спалил.

Элизабет поблагодарила ее за совет и предположила, что Стефани не любила своих детей и вполнину так же сильно, как она любила Гила.

Но в конце концов все-таки решила попробовать поискать студентку колледжа. Для начала можно нанять кого-то на три дня в неделю, понять, сработаются ли они. Если нет, то в конце семестра их пути разойдутся сами собой.

Неделю назад Элизабет толкала коляску к кампусу, сжимая в руке флаер.

– Где находится Колледж-холл? – спросила она коротко стриженную девушку.

Та взглянула на нее, вынимая наушник.

– Простите, – сказала Элизабет, – Колледж-холл?

Студентка указала на здание из красного кирпича с башенками.

Внутри было тихо и темно. Стефани сказала ей, что где-то там есть доска объявлений, где люди не из колледжа могли размещать просьбы о помощи. Но стены напротив нее оказались увешаны портретами директоров школы – двенадцать мрачных белых мужчин с разной степенью облысения и, в самом конце, триумфально улыбающаяся черная женщина. Элизабет засмотрелась на нее, пока не закричал ребенок, напоминая ей о цели их визита.

Она завернула за угол. Там, между приемной комиссией и отделом по связям с выпускниками, на стене висела большая пробковая доска с приколотыми на ней объявлениями. Одно сообщало об ужине в местной пресвитерианской церкви. В другом – искали волонтеров для приюта для животных. Большинство объявлений были от матерей, тоже ищущих нянь, хоть и, в отличие от нее, им всем требовалась помощь только на несколько часов в неделю или возможность оставить ребенка по звонку в ночь свидания.

Пока Элизабет осмысляла прочитанное, тишину нарушил мужской голос. Этот звук ее поразил.

Сам мужчина появился в поле зрения через пару мгновений. Седовласый, привлекательный, в сером пиджаке и темных джинсах, идущий рядом со студенткой, которая хотела знать, не продлят ли ей срок сдачи работы, потому что, как уверяла она, у нее умерла бабушка.

Преподаватель не продемонстрировал ни тени сочувствия.

– Мне понадобится копия некролога, – сказал он.

«Сурово», – подумала Элизабет. Весьма своеобразный тип.

Нельзя выходить замуж за мужчину, который преподает в женском колледже. Это то же самое, что выйти замуж за гинеколога. Есть в этом что-то извращенное.

Или нет.

Некоторое время назад Элизабет дала себе обещание поменьше осуждать людей. Когда она пыталась забеременеть, она прочла в блоге о том, как негативные мысли женщины способны повлиять на ее способность к зачатию. С тех пор, каждый раз, когда ей хотелось сказать что-то осуждающее, вместо этого она говорила «банан». Были дни, когда ее речь напоминала письмо, прошедшее цензуру во времена Второй мировой: «И я люблю сестру, но она может быть таким бананом. Я знаю, что парень, с которым Шарлотта встречается, банан, но разве она заслуживает что-то большее, чем банан, после всей той банановой фигни с банановым парнем?»

Однажды ночью ей приснилось, что она родила банан.

* * *

В ответ на объявление ей позвонили четыре потенциальных няни. Трех она уже забрала.

Первая, Сильвия, к удивлению Элизабет, была не студенткой, а взрослой женщиной из Сальвадора, сама с подростками детьми.

Сильвия раскритиковала массаж, который Элизабет делала Гилу от коликов. Решив, что ему холодно, женщина предложила одеть его потеплее. Элизабет это не раздражало. Она часто считала себя единственным человеком, который знал, что нужно ребенку, поэтому забавно было слушать тех, кто считал, что она понятия не имеет, что делает.

Она планировала предложить работу Сильвии, но в последний момент решила спросить, как она наткнулась на ее объявление.

– Я работаю в колледже, убираюсь по ночам, – ответила Сильвия. – Я как раз ищу вторую хорошую работу.

– Но если вы уже работаете по ночам, когда же вы будете спать, если я вас найму?

– Мне много времени на сон не нужно. Вздремну вместе с малышом.

Это было нормально? Для няни – спать на работе?

Сильвия оглядела Элизабет с ног до головы.

– Ты уверена, что это ты родила этого ребенка? Ты крошка.

Многие задавали ей тот же вопрос. Элизабет предполагала, что он задумывался как комплимент, но звучал обвиняюще. От природы она была маленькой и худенькой, и сейчас собственное тело казалось ей чужим. Мешок кожи на месте плоского живота. Грудь, все еще маленькие, но уже недавно обвисшие. Бедрa стали шире, ступни влезали не во всю прежнюю обувь. Все это, она знала, должно быть ей неприятно. И иногда так и было. Но еще это было доказательством того, что случилось в этом теле, подтверждением совершенного ею обыденного и вместе с тем необыкновенного чуда.

Вторая кандидатка, второкурсница с синей прядью, ответила на телефонный звонок посередине интервью. Она не сказала: «Извините, я должна ответить, это срочное», она просто подняла палец, перебив Элизабет на полуслове и сказала: «Привет».

Третья работала до этого только в лагере с детьми постарше. Она не придерживала головку ребенка, пока его держала. Элизабет излишне драматично выхватила Гила обратно и сказала, что обязательно перезвонит.

* * *

Четвертая кандидатка должна была прийти к девяти. Она прислала электронное письмо в ответ на объявление Элизабет, написав, что прошлым летом работала няней в Лондоне. Элизабет знала, что не стоит питать ложных иллюзий, но не могла перестать думать о том, как Гила станет обожать нежная, но строгая англичанка.

Джули Эндрюс в роли Мэри Поппинс.

Джули Эндрюс в роли Марии фон Трапп.

За пять минут до назначенного времени, со спящим на плече Гилом, она наблюдала в окно, как пухлая юная брюнетка в мешковатом платье-футболке и шлепанцах идет по улице.

Девушка прошла мимо дома, не сбавляя скорости.

Элизабет решила, что это не та.

Она сварила кофе и выложила на поднос маффины и круассаны, как если бы ждала к завтраку гостей. То же самое она делала и для других. Девушка с синей прядью спросила, можно ли забрать оставшуюся выпечку с собой.

Элизабет никогда никого раньше не беседовала. Когда она была моложе, то представляла, что к тому времени, как ей придется это делать, она будет знать, как себя вести. Статус начальника обязывал к уверенности и контролю над происходящим.

Она открыла список дел на телефоне. *Ужин с Фэй и Джорджем. Душ. Няня. ПИСАТЬ?* Иногда она дополняла список уже сделанными делами, чтобы потом их вычеркнуть. Знак вопроса после задачи означал, что делать это она не собирается.

Звонок в дверь раздался ровно в девять. На пороге стояла девушка в платье-футболке, с широкой улыбкой на лице. Неужели она наматывала круги, чтобы не прийти раньше? Или она заблудилась?

– Ты, должно быть, Сэм, – прошептала Элизабет, толкая дверь одной рукой, другой прижимая спящего младенца. – Я Элизабет. А это Гил.

– Привет, – поздоровалась девушка.

Она вошла, оглядываясь по сторонам.

Мягкая голубая ковровая дорожка тянулась через прихожую, открывая дощатый пол. Слева виднелась большая залитая солнцем гостиная. Справа – деревянная лестница с крашенными белыми перилами. Она заканчивалась у витражного окна, в которое Элизабет влюбилась, едва переступив порог дома, уже тогда зная, не посмотрев еще ни одной комнаты, что они его купят.

– Мне так нравится ваш дом, – сказала Сэм. – Здесь очень уютно.

Элизабет едва не фыркнула, но потом словно посмотрела на себя со стороны: простая белая рубашка и черные леггинсы. Босиком, на голове – небрежный пучок. Серебряный поднос с выпечкой, фоном играют Саймон и Гарфункель. На младенце – мягкая белая пижама. Она могла понять, почему со стороны эта картинка казалась безмятежной.

Девушка не смогла разглядеть, что у нее внутри. Элизабет это понравилось.

– Боже мой, только посмотрите на его кудряшки! – воскликнула Сэм.

Именно это говорило большинство, увидев Гила впервые. Эти слова наполняли Элизабет глуповатой гордостью, как будто это она задумала его таким.

Он родился с копной золотистых волос, с самого начала указывающей на то, что он особенный. Медсестры приходили к ней в палату, чтобы просто посмотреть на его кудряшки.

Все они называли Элизабет мамашей, а Эндрю – папашей.

Причем в первый раз медсестра была немногим старше самой Элизабет.

– Выпейте три таблетки обезболивающего, мамаша, – сказала она. И еще: – Мамочка, нажмите на кнопку, если вам понадобится встать. Не пытайтесь пока встать самостоятельно.

Измученная, Элизабет гадала, действительно ли девушка думала, что она ее мать? Она что, ее мать?!

Позднее Номи объяснила ей, что медсестры так делают, чтобы не запоминать имена родителей, знакомство с которыми продлится сорок восемь часов. Элизабет подумала, что, возможно, это было еще и попыткой помочь новоиспеченным родителям осознать, что только что произошло, повторяя эти слова вновь и вновь, пока они не прозвучат как данность.

– Что тебе предложить, Сэм? – спросила Элизабет. – Кофе? Воды?

– Ничего, спасибо.

Сэм разулась.

– Ты не обязана снимать обувь, – сказала Элизабет, но сам жест ей понравился. Никто из предыдущих претенденток об этом не подумал.

– Мне надо помыть руки.

Элизабет указала на узкую дверь.

– Уборная там.

Ей показалось, что мытье рук затянулось. Ждать девушку в коридоре было бы как-то странно. Элизабет прошла в гостиную и села на диван.

Малыш проснулся.

– Привет, любовь моя – зашептала она. – С тобой пришел познакомиться один друг.

И тут до нее дошло, что Сэм не была англичанкой.

Когда девушка вернулась, Элизабет держала на коленях Гила, смотревшего вокруг своими большими голубыми глазами.

– Такой красивый, – выдохнула Сэм, и Элизабет сразу же ее полюбила.

– Пожалуйста, присаживайся, – предложила она. – Расскажи нам о себе. В письме ты написала, что работала няней в Лондоне. Я и подумала... – Элизабет издала смешок.

– Что именно?

– Подумала, что, наверное, у тебя будет акцент.

– А, нет, извините. Я провела там лето. Была няней в семье с полторагодовальными близнецами и новорожденным. Все мальчики.

– Боже мой.

– Было не так тяжело, как кажется, – заверила Сэм. – Я смотрю за детьми всю свою жизнь. Я старшая из четырех детей, и у меня девятнадцать младших двоюродных братьев и сестер.

– Ничего себе!

– Мама никогда не хотела, чтобы я работала няней. Она хотела, чтобы я подрабатывала официанткой. Говорит, это попроще. Но я люблю возиться с детьми.

– Я годами была официанткой. Ничего респектабельного в этой работе нет, уж поверь мне, – улыбнулась Элизабет. Она подвинула поднос с выпечкой к Сэм. – Как тебе Лондон? Я бывала там несколько раз, мне понравилось.

– О, мне очень понравилось, – ответила девушка. – Мой парень, Клайв, оттуда. Он англичанин. Я надеюсь видаться с ним так часто, как только смогу в этом году. Это дороговато, но его свояченица работает в Британских Авиалиниях, так что мы можем летать по ее скидке, если получится.

– Клайв тоже студент? – поинтересовалась Элизабет.

– Он... Уже закончил.

Элизабет хотела задать еще вопрос, но буквально слышала в голове голос Эндрю: «Границы».

– Что ты изучаешь? – спросила она вместо этого.

– У меня двойная степень – искусство и английская литература. Папа любит шутить, что не знает, что из этого более бесполезно. Он хотел, чтобы я изучала экономику.

– Мне довелось поработать со многими выпускниками филфаков, – возразила Элизабет. – У них все неплохо сложилось в жизни, не переживай.

– Чем вы занимаетесь? Ничего, что я спрашиваю?

– Нет, конечно. Я журналист. Проработала в «Таймс» двенадцать лет.

– Как интересно!

– О да. Было.

Элизабет не сказала, что год назад она и половина ее друзей согласились на отступные, чтобы не попасть под грядущее сокращение через полгода.

– Сейчас я пишу книгу.

– Ничего себе! Это ваша первая?

– Третья.

– Вау.

– Ты уже знаешь, чем хочешь заниматься после окончания колледжа?

Сэм выглядела смущенной.

– Я с детства любила рисовать. Но, очевидно, это не работа.

– Для кого-то – работа, – не согласилась Элизабет.

– Я бы хотела работать в художественной галерее. Может, когда-нибудь преподавать, – сказала Сэм и вдруг выпрямилась. – Извините. Мне следовало сказать, что у меня большой опыт с младенцами. У меня есть сертификат на оказание первой помощи. Здесь, в городе, у меня отличные рекомендации. В первые три года учебы я частенько сидела с детьми по вечерам и на выходных.

– И три полных дня в неделю не помешают твоей учебе?

– Я на последнем курсе, – ответила Сэм. – Не слишком загружена. К тому же, каждые два года я работала на кампусе и выстраивала в соответствии с этим свое расписание, так что я уже привыкла.

– Отлично, – кивнула Элизабет. У нее был целый список вопросов, но она не помнила, куда его подевала. Она чувствовала, что следовало спросить что-то еще. А она увлеклась приятной беседой.

Сэм оглядела гостиную.

– Как долго вы здесь живете?

– Месяц.

Элизабет и Эндрю начали задумываться об отъезде из города десять лет назад, на их третьем свидании. Они сходили на столько просмотров, примеривая на себя жизни, прожить которые были не готовы, – маленькие фермы на берегу залива, особняки в колониальном стиле с огромными задними дворами в Нью-Джерси, даже пляжные коттеджи в Мэйне, где в середине июля они практически убедили себя, что смогут жить там круглый год.

– Не надо попусту тратить время риэлторов, если вы не настроены серьезно, – заявляла ее свекровь, очевидно, чемпион по защите риэлторских прав.

Но Элизабет никогда не знала наверняка, всерьез они настроены или нет. Ньюйоркцы упивались жалобами на город: толпы, задержки поездов в метро, суматоху. Любой здравомыслящий человек хотел переехать отсюда. Лучше всего понять ньюйоркцев можно было не по тому, в каком районе они жили, а по тому, куда они мечтали сбежать – в Лос-Анджелес, Портленд, Остин, откуда бы они ни понаехали. И все-таки, когда кто-то уезжал, Элизабет это шокировало.

Ее подруга Рейчел перебралась в пригород Кливленда, своего родного города. О его очаровании она говорила всякий раз, когда они встречались, бесконечно повторяя одно и то же.

– Летом по пятницам в Ботаническом саду устраивают пивные фестивали, и можно, сидя на траве, потягивать пиво из самых разных пивоварен, – рассказала Рейчел минимум раз пять.

Звучало неплохо, но как часто человек пойдет попить пива в ботанический сад? А дальше что?

Элизабет с Эндрю никогда не считали, что останутся в городе навсегда, несмотря на то, что оба прожили там двадцать лет, больше, чем где-либо еще, включая те места, которые они считали домом. Она давно задавалась вопросом, что же заставит их уехать. Ребенок, предполагала она. Но причиной был не Гил. Причиной их переезда стала ситуация с отцом Эндрю, ситуация с самим Эндрю.

Большую часть времени Элизабет понятия не имела, что она делала в доме 23 на Лорел-стрит. Как, после всех этих поисков идеального места, вдруг очутилась здесь, у черта на куличках.

До переезда, когда у них спрашивали, куда они собираются, Эндрю отвечал: «В северную часть штата Нью-Йорк».

Элизабет всегда чувствовала необходимость пояснить: «Но не ту северную часть, которая для богачей. Добавьте к той картинке, которую вы сейчас себе представили, лишних двести миль».

По крайней мере, ей нравилось, что их дом не выглядел как все остальные на их улице. Большинство соседей превратили старые дома в каких-то монстров с пристройками в попытках расширить собственность.

Их дом был оригинальным. Небольшим, но милым. Красная глянцева дверь, плющ, ползущий по крашеному белому деревянному фасаду, который, как посоветовала риелтор, нужно обновлять раз в четыре-пять лет. Элизабет и Эндрю небрежно кивнули тогда в ответ на ее слова, как будто не прожили всю свою сознательную жизнь в квартирах, не сделав в доме своими руками ничего сложнее замены перегоревшей лампочки.

Гил потянулся к Сэм и агукнул, не желая быть исключенным из разговора.

– Можно? – спросила Сэм.

– Конечно.

Она взяла его на руки и подняла.

– Я вижу, что вы исключительно смысленный молодой человек, Гилберт, – говоря с малышом, Сэм через него обращалась к Элизабет, как делают обычно все, когда общаются с детьми. – Думаю, нам с тобой будет весело вдвоем.

Он схватил ее за волосы, и они оба засмеялись.

Элизабет просияла.

– Ты отлично с ним ладишь.

– Он просто прелесть.

– Это правда, нам очень повезло.

Все еще глядя на Гила, Сэм рассеянно спросила:

– Вы планируете еще детей?

Станный вопрос для интервью. Но опять же, она была слишком юна и, вероятно, думала, что это вопрос простой и в нем нет подводных камней. И разве не сама Элизабет недавно жаловалась Эндрю, что ей не по себе от того, как все здесь казалось спрятанным от посторонних глаз? Жизнь на виду у всех в Нью-Йорке рождала в ней тревогу. Люди ссорились, обедали или выщипывали брови прямо напротив тебя в метро. Но ее соседи здесь, с порога ныряющие в машины, с пластмассовыми улыбками и фальшиво извиняющимися взмахами рук, были хуже.

– Я всегда хотела одного, – ответила Элизабет. – А вот Эндрю, мой муж, был бы не против пятерых. Так что посмотрим, как сложится.

Прозвучал ли ее голос достаточно беззаботно? Безразлично? Как будто она была готова отдаться на волю случая? Она подумала о двух яйцеклетках, замороженных в жидком азоте в клинике в Квинсе. Эндрю видел их в своих кошмарах. Четыре раза в год супруги получали счет от «Вейлла Корнелла» на двести шестьдесят два доллара. Сумма за хранение яйцеклеток не менялась в зависимости от их количества, поэтому видя каждый раз в своем чеке цифру два в скобках, Элизабет испытывала раздражение.

На заре ЭКО, когда процедуру только начали проводить, они прочли статью, в которой говорилось о миллионе замороженных эмбрионов по всей стране, которые, с большой долей вероятности, останутся неиспользованными. Пары, которые прибегли к этой процедуре для того, чтобы завести детей и не планировали рожать больше, оказались в подвешенном состоянии – не в силах уничтожить то, что могло стать их ребенком, но и не желая давать этому жизнь.

Эндрю сказал, что создать потенциальные жизни и потом просто оставить их в клинике было бы нечестно. Он заставил ее пообещать, что они так никогда не поступят.

Ей хотелось вывалить все это Сэм, но она удержалась.

– Гилу пора поесть, я принесу бутылочку, – сказала Элизабет, вставая. – Я кормлю грудью, но дополняю это смесью.

Она перешла к обычному монологу.

– У меня всегда было немного молока. Первые три месяца я пила сорок травяных настоев в день и перетягивала грудь. Три консультанта по грудному вскармливанию. Отвратительный чай, от которого у меня пот пах как кленовый сироп. Сцеживание после каждого кормления, каждые два часа, даже посреди ночи. Потом я решила добавить в молоко немного смеси и покончить с этим.

Степень собственного бесстыдства в свое время ее поразила. Даже сейчас ей бы не хотелось рассказать об этом другой матери.

– Я как-то прочла, что Чарльза Мэнсона кормили грудью, – мягко сказала Сэм. – С тех пор я думаю, что молоко или смесь – особой роли не играет.

Элизабет улыбнулась.

– Уверена, что не хочешь ничего выпить? – спросила она. – Я сварила кофе.

– Было бы здорово, если вас не слишком затруднит.

– Совсем не затруднит.

3

Как только Эндрю вернулся домой, Элизабет сунула ему в руки малыша и сказала:
– Можешь его подержать минуту? Мне надо пописать.

Когда она позвонила ему днем на работу, чтобы сообщить, что нашла няню, Эндрю ответил:

– Мне не терпится узнать о ней больше.

Перевод: «Я занят. Заканчивай болтать».

С самого начала их брак был эгалитарным. Он готовил, она мыла посуду. Он пылесосил, стирал и мыл полы на кухне. Она чистила ванную, что большинство людей считало худшей обязанностью по дому из всех возможных. На самом деле, это легче всего. Если кто-то из них и делал больше, чем другой, то это Эндрю.

Но иногда казалось, что ребенок являлся только ее заботой. Поначалу это было обусловлено чистой биологией. Теперь Гилу исполнилось четыре месяца и его можно было покормить из бутылочки, но все-таки она одна кормила его по ночам и мысленно вычисляла, когда ему понадобятся новые подгузники, лосьоны, одежда.

– Штанишки становятся ему тесноваты. Думаю, пора переходить на следующий размер, – заметила она неделю назад, и Эндрю допустил ошибку, спросив: «А какой он носит сейчас?»

Отчасти это было связано с тем, что Эндрю только начал работать на новом месте, нервничал. К тому же, она просто проводила больше времени дома. Строго говоря, она все еще находилась в декретном отпуске, который означал непонятно что, особенно когда работаешь на себя. Но Элизабет не могла отогнать страх, что истинная причина лежала глубже, что рождение ребенка изменило договоренности так, как она и представить себе не могла.

К концу дня она чувствовала себя измученной, обиженной и истощенной.

Возможность спрятаться в туалете расслабляла куда больше, чем любой спа-салон, который она когда-либо посещала, и по уровню полученного наслаждения могла быть сопоставима с отпуском в Сен Барте.

Прошло двадцать минут, а она все еще сидела на унитазе, просматривая фотографии малыша на телефоне. Объяснялось это просто – желание сбежать от Гила было удовлетворено, теперь Элизабет по нему тосковала. В первый день дома после выписки из больницы она расплакалась, представив, как он съезжает от них, чтобы перебраться поближе к колледжу.

– Ты будешь жить дома и тратить время на дорогу, – сказала она ему.

Раньше она никогда не скучала по тому времени, которое еще не пришло.

Элизабет отправила Номи сообщение.

Я наняла няню.

Поздравляю! Кто она?

Старшекурсница. Хочет быть художницей. Очень милая. Мы поболтали два часа.

Почему?

С ней было интересно (и, возможно, потому, что я ни с кем, кроме Эндрю, не говорила за последние несколько недель).

Мгновением спустя экран телефона загорелся, и Элизабет подумала, что это сообщение от Номи, но вместо этого на уведомлении высветилось имя ее сестры.

Э... Ненавижу, что приходится просить, но ты не одолжишь мне двести баксов? Верну быстро – сделка закрывается на следующей неделе!

Внутри все знакомо сжалось.

Конечно, – написала Элизабет. – Без проблем.

Ей было ненавистно чувство, которое в ней всегда пробуждала сестра.

Она зашла на страницу «Мамочек БК», чтобы отвлечься. Это было инстинктивное действие, не поддававшееся контролю, как заикание или нервный тик. Кто-то опубликовал трагическую историю о ребенке, подвергшемся насилию в приемной семье. В посте была ссылка на онлайн-петицию. Она ее подписала, не вчитываясь в детали. Глаза наполнились слезами. Зачем она открыла эту страницу? Элизабет была уверена, что зашла кое-что посмотреть, но не могла вспомнить, что именно.

Она почувствовала присутствие Эндрю за дверью.

– Дорогая, все в порядке?

Он использовал этот вежливый пассивно-агрессивный способ, чтобы поинтересоваться, какого черта она так долго делает в туалете.

Она встала и нажала на кнопку слива.

– Люди – монстры, – сказала Элизабет, выходя.

– Ммм?

– Кое-что прочитала в Интернете. Ты не захочешь узнать.

– Ладно. Нам пора, нет?

– Как-то раз, когда твой ремень валялся на кровати, я себя им хлестнула, чтобы узнать, каково это, и Господи Иисусе, это просто варварство. Как кто-то может так поступать с ребенком? Я себя ударила не со всей силы, и все равно было так больно.

– Ну, у тебя низкий болевой порог, – заметил Эндрю.

– У меня? С чего ты взял?

– Когда на тебя приземляется кузнечик, ты считаешь, что тебя ударили по руке.

* * *

По дороге к родителям он сказал, что это ненадолго. Его мать решила, что бабушке будет полезно увидеть малыша. Она снова о нем беспокоилась.

– Он сидел над этими файлами три последних ночи, – сообщил Эндрю. – Мама сказала, ему нужно отвлечься.

– Или отвлечься нужно ей, – заметила Элизабет.

Ее свекра Джорджа некоторое время назад захватила одна идея. Пару месяцев назад он рассказал Элизабет, что все началось с того, как незнакомец кричит в телефон, что Америка больше не сверхдержава.

– Он сказал: «Это не величайшая нация на земле последние шестьдесят лет. Мы просто убеждаем себя в обратном», – вспоминал Джордж. – Меня это страшно разозлило. Весь остаток дня я размышлял, почему. Может, из-за сохранившегося со школы чувства, когда каждое утро мы давали присягу перед флагом и каждый раз делали это искренне?

После этого Джордж начал видеть закономерности. Все чаще и чаще он затевал разговоры о печальном положении вещей, о том, что жизнь ухудшается вместо того, чтобы становиться лучше.

– Маленького человека больше никто не защищает. Властям на нас плевать, – объяснял он Элизабет. – Мы сами по себе. Это как дерево, полое внутри. Так мне это представляется. Внешне эта страна выглядит более-менее так же, как всегда. Но внутри ее ничего не держит. Нет единства, нет опоры. Неважно, что листья зеленые, а ствол высокий. Пустое дерево долго не простоит.

В гостевой комнате внизу, служившей Джорджу кабинетом, громоздились стопки распечаток и вырезок из газет, призванные подтвердить его теорию, как будто в любой момент мог появиться кто-то, требующий доказательств. Стены облепили сотни заметок, накарбанных от руки.

Ее свекровь кривилась всякий раз, когда туда заходила, как будто оказалась в логове серийного убийцы.

– Какой в этом смысл, Джордж? – услышала однажды Элизабет.

– Смысл в том, что люди во всем винят себя, в то время как это вина системы. Граждане этой страны должны выйти на улицы, а не закидываться антидепрессантами.

– И что именно собираешься сделать с этим ты? – спросила Фэй.

С тех пор, как Эндрю пошел в садик, Джордж неплохо зарабатывал на принадлежавшем ему небольшом автопарке. С горсткой сотрудников они развозили людей по аэропортам и по окрестностям долины. Три года назад Джордж решил реинвестировать в бизнес. Он взял часть своих и Фэй пенсионных накоплений и купил три новеньких линкольна. Худшего времени он выбрать не мог. Шесть месяцев спустя в их городке появился «Убер» и, предложив мгновенное бронирование и дешевые тарифы, уничтожил его бизнес.

В конце концов Джордж сам стал водителем «Убера». Фэй рассказывала Элизабет, что это стало страшным унижением. Размер заработка был оскорбителен. Половина пассажиров – пьяные студенты. Джордж мог протащить три тяжелых чемодана по аэропорту и вверх по чьей-то парадной лестнице и получить в ответ просто «спасибо», и то если повезет.

– Приложение говорит, что пассажиры не обязаны оставлять чаевые, – сказала Фэй с отвращением.

Элизабет была поражена, услышав от нее слово «приложение».

Некоторое время назад Фэй сообщила, что Джордж не выбирался из постели неделю, у него пропал аппетит и он почти не разговаривал, что на него непохоже.

А потом, вместо того, чтобы впасть в депрессию, Джордж помешался – на Полном Дереве, на тяжелой участи простых людей. Эндрю раздражало, что вместо того, чтобы найти новую работу и принять случившееся, его отец теперь все свободное время развивал свою теорию. Элизабет считала это своего рода терапией, способом проговаривания того, что с ним произошло, чтобы не воспринимать случившееся как личную обиду.

– Если через год ты по-прежнему все здесь будешь ненавидеть, мы вернемся обратно, – сказал Эндрю, когда они сели в машину.

– Не могу сказать, что я прямо все тут ненавижу, – возразила Элизабет. – К тому же, я смотрела «Мосты округа Мэдисон». Жена, раз приехав в родной город мужа, уже никуда оттуда не уезжает. Все, что ее ждет, – это две страстных ночи с Клинтом Иствудом.

– По крайней мере, тебе есть, чего ждать.

Вообще-то они жили не там, где Эндрю вырос, потому что его родной город теперь стоял заброшенным и всегда казался серым, вне зависимости от погоды. Их дом находился в двадцати минутах езды от ближайшего университетского городка. Элизабет представляла, как она будет посещать лекции, есть эфиопские блюда и наслаждаться всеми прелестями интеллектуальной жизни.

В действительности же жить в месте, где все вращалось вокруг учебного кампуса, оказалось странно, особенно когда тебя с ним ничего не связывало. Все в городе называли его просто «колледжем» точно так же, как в их мире Нью-Йорк был просто «городом», а Гилберт – «малышом», – ты знал, что есть и другие, но они не имели никакого значения.

Пока Элизабет посетила только одну лекцию-чтение, ее устраивал поэт, который ей нравился. Она ожидала увидеть полный зал взрослых женщин в длинных кашемировых кардиганах, но все пришедшие оказались студентами. Все повернули головы как один, когда она зашла, пляясь на нее так, как будто она была инопланетянкой.

В радиусе пятнадцати миль от их дома располагалось сразу три учебных заведения. Женский колледж за углом, государственный университет таких размеров, что она сначала приняла его за отдельный город, и хиппи-колледж, в котором учился Эндрю, где не верили в оценки и даже в парты. Во время урока ученики сидели на матах на полу.

Проведя столько лет в Бруклине, они считали себя настолько прогрессивными, насколько это возможно. Но теперь они регулярно узнавали, как заблуждались.

– Этот парнишка из моей лаборатории сообщил мне сегодня, что он пансексуал, – рассказал Эндрю как-то за ужином.

– Что это значит? – поинтересовалась она.

– Это значит, что его привлекают представители всех полов.

– Так он би.

– Нет.

– Как он может быть не би?

– Ему не важен пол. Ну, или, может, важен, но это не главное, что привлекает его в человеке.

– О'кей. Но его привлекают оба пола, так что технически он бисексуал. Правильно?

– Нет, потому что гендер – это спектр, а не бинарная оппозиция. Он говорит, что единственная причина, по которой младенцев при рождении приписывают к тому или иному полу, это американский медицинский истеблишмент, застрявший в гетеропатриархальном определении так называемой бинарности. Так что на самом деле мы не должны заставлять Гила следовать этим нормам. Мы должны позволить ему составить собственное мнение.

– Хм, – протянула она, обдумывая сказанное.

Ей казалось, что человечество стоит на пороге чего-то нового. Может быть, мир становится более терпимым, и их ребенок вырастет с совершенно иными убеждениями, чем те, которых придерживались они. В моду вошли гендерно-нейтральные игрушки. Ее друзья скорее купили бы дочерям тяжелые наркотики, чем Барби. Элизабет хотела узнать, как это все повлияет на них, что поколение Гила будет думать о своих телах и о телах друг друга.

На мгновение Элизабет словно со стороны увидела свое прежнее «я» – исполненное любопытства, вопросов, адресованных людям, чьи жизни разительно отличались от ее собственной. Ее всегда поражало, сколь охотно незнакомцы открывались журналисту, даже в худшие моменты своей жизни. Может быть, особенно тогда.

– Я так тебе завидую, – ответила она Эндрю. – Самый интересный разговор на прошлой неделе у меня состоялся с парнем из Федэкса. Я сказала ему, что наш адрес – это дом 32 на Лорел-стрит. Он настаивал, что дом был 23.

Местные, вроде ее свекров, жаловались на колледжи. Из-за студентов на машинах образовывались пробки, дороги кишели самоуверенными профессорами, свысока смотревшими на обычных людей. Но деньги, которые студенты и их родители вливали в рестораны, гостиницы и продуктовые магазины, были единственным, что удерживало это захолустье на плаву. К каждому кампусу примыкало несколько кварталов красивых домов, которые вели в центр, с необычными магазинчиками, концертными площадками и веганскими кафе.

Много лет назад, как рассказал ей Джордж, в этом районе процветали деревообрабатывающие предприятия. Здесь располагались завод по производству бумаги и разливу соды, фабрика по изготовлению зубных щеток. Но когда все эти предприятия закрылись, на их место никто не пришел. Теперь добрая половина городков в окрестностях оказались заброшенными. Магазинов и баров оставалось все меньше, они располагались все дальше друг от друга, и только вывески закрывшихся заведений напоминали о жизни, которой больше не было.

Иммигранты из Сальвадора и Мексики и более многочисленные пуэрториканцы осели там, где еще работали молочные фермы и разводили фруктовые сады. В Уивервилле на слуху был только испанский. Там продавались мексиканские специи, газировка и конфеты.

Элизабет это нравилось – типичный американский город, населенный людьми и вещами, которых там не ожидаешь увидеть. Но в остальном он производил удручающее впечатление. Пустые витрины, дома, которые никто не хотел покупать. Даже школы больше не было. Детей возили на автобусах в соседний город.

Фэй, выросшая в этих краях, качала головой всякий раз, когда Уивервилль всплывал в разговоре, и заявляла: «Вот раньше это был город!»

* * *

Когда они приехали, ребенок спал на заднем сиденье.

– Может, мне посидеть с ним здесь, – сказала Элизабет. – Принесешь мне просто тарелку.

– Ха, отличная попытка, – раскусил ее Эндрю.

Гил уже просыпался и вытягивал шею, стараясь рассмотреть все вокруг, когда они подошли к дому.

Дверь открывалась прямо на кухню, которую не обновляли с семидесятых. Желтый линолеум на полу, деревянные шкафы, по которым бежал трафаретный узор из лиловых тюльпанов, нанесенный Фэй.

Она отошла от плиты и взяла Гила у Эндрю.

– Привет, малыш, – сказала Фэй, поднимая его к свету.

На кухню, поскуливая, зашла собака.

– Не ревнуй, Дюк, – оборвала его Фэй, – ты знаешь, что тебя я тоже люблю.

Она взглянула на Эндрю с Элизабет, как будто только их заметила.

– Ужин почти готов, – сообщила она. – Бефстроганов.

– Вкуснота, – произнес Эндрю, хотя и ненавидел бефстроганов.

В юности он мечтал быть шеф-поваром, но побоялся, что не сможет этим зарабатывать на жизнь. Тогда готовка стала его увлечением. Элизабет часто задавалась вопросом, как ему так удалось в этом преуспеть, ведь он вырос с матерью, которая, кажется, во все блюда добавляла готовую смесь со вкусом говядины со специями.

Фэй вернула малыша Эндрю, насытившись своими тридцатью секундами общения с внуком. Она понизила голос до шепота:

– Пришло еще одно уведомление от Ситибанка. У нас есть девяносто дней на внесение платежа, или нас выгонят из дома. Твой отец отказывается даже шевелиться. Как будто собирается заявить, что банк блефует. Я пытаюсь вызвать его на разговор насчет того, что мы будем делать дальше, а он говорит, что занят.

Элизабет сделала вид, что ищет что-то в сумке с подгузниками. Когда Фэй затрагивала тему финансов, ей хотелось поскорее закончить неудобный разговор, свернуть его, свести на нет.

В прошлом году она поняла, что Фэй и Джордж владели домом только на словах. Они брали кредиты под залог дома уже столько раз, что давно задолжали банку.

Из комнаты Джорджа раздался глухой удар.

Фэй выпрямилась.

– Ладно, что мы об этом. Что у вас нового?

– Элизабет нашла нам сегодня отличную няню, – ответил Эндрю. – Теперь она наконец сможет вернуться к работе.

Повисла странная пауза, когда она решала, обидеться или нет. В устах Эндрю это прозвучало так, как будто она четыре месяца валялась на надувном круге в бассейне, потягивая «Пина коладу».

– Девушка учится в колледже, – добавила Элизабет.

– Не слишком ли молода, чтобы нести ответственность за младенца? – поинтересовалась Фэй.

– Я и сама сначала так подумала. Но у нее прекрасные рекомендации. Гилу, похоже, она понравилась. И у нее большой опыт с детьми. Больше, чем у меня.

Фэй нахмурилась.

– Будь осторожна. Я видела в новостях ужасную вещь. Няня убила троих детей. Утопила их в ванной. – Слова «убила» и «утопила» она произнесла одними губами, чтобы оградить Гила от такого кошмара. – И сделала это голыми руками, – добавила Фэй.

– Это случилось где-то неподалеку? – спросил Эндрю.

– Нет, в Огайо или еще где-то.

Фэй сияла, рассказывая эту историю. Она оживлялась при малейшем намеке на трагедию. Однажды даже диагностировала у Гила аутизм, потому что малыш долго смотрел на лампочку.

– Это один из признаков, – заявила она. – Я думаю, это один из них.

Для каждого периода в жизни существовали свои предостерегающие истории, напоминающие женщинам, где их место. Каждую женщину в Нью-Йорке преследовала какая-то история. Не городской миф, а передовица газеты «Пост», попавшаяся ей на глаза в тот день, когда она приехала в город. Девушка, которая засиделась в баре допоздна, и ее изнасиловали, завернули тело в ковер и выбросили в мусорный бак. Девушка, которую без всякой причины толкнул под проходящий поезд какой-то сумасшедший. Девушка, которую зарезала, придя ночью, пьяная соседка по комнате, не вспомнившая об этом наутро.

Так же было и с молодыми матерями. Угрозы витали в воздухе. Услышано по телевизору: измученная, подавленная женщина забыла ребенка в раскаленной машине. Он задохнулся. Прочитано в Интернете: воспитательница в детском саду дала детям снотворное, чтобы их утихомирить, не рассчитала дозу и случайно их всех убила. Услышано в отделе овощей и фруктов в супермаркете: родители все откладывали занятия по оказанию первой помощи, а потом беспомощно смотрели, как их ребенок умирает, подавившись виноградной.

Элизабет услышала тяжелую поступь Джорджа. Этот жизнеутверждающий звук прогнал из ее головы картины безжизненных маленьких тел, плавающих в ванной.

– Лиззи! – воскликнул он, увидев ее.

Он был единственным человеком, который когда-либо так ее называл, и единственным, кому это сходило с рук.

Джордж по-прежнему носил ту же форму, что и последние тридцать пять лет: черный костюм, пиджак от которого сейчас висел на крючке в прихожей, ожидая, что его наденут завтра. Он снял кожаные лаковые туфли и стоял в черных носках с ярким золотым пятном на большом пальце. До того, как закрыть бизнес, Джордж обычно выходил из дома не позже семи утра, иногда в четыре или пять, если ему предстояла ранняя поездка в аэропорт. Каждый день он начинал с полировки своего черного лимузина, пылесосил коврики, расставлял новые бутылки воды, насыпал мятные леденцы. Старик по-прежнему следовал этому привычному распорядку несмотря на то, что теперь как водитель «Убера» мог сидеть в спортивных штанах за рулем выдавшей виды мазды – всем было все равно. Элизабет это очень трогало.

Джордж обнял ее. Он был большим и крепким. Когда свекр ее обнимал, она снова чувствовала себя маленьким ребенком в полной безопасности. Элизабет хотела постоять так еще, но Джордж отстранился, хлопнул Эндрю по спине и подошел к плите, вдыхая доносившийся аромат.

– Пахнет вкусно, – присвистнул он.

Элизабет подумала, не лжет ли и он. Для нее на кухне пахло как в столовке начальной школы во время обеда.

У Джорджа с Фэй был крепкий брак. Она это ценила. Ее родители были несчастны вместе, но продолжали извращенно страдать. Самым большим ее желанием было, чтобы они стали нормальными, чтобы проснулись однажды утром и поняли, что любят друг друга несмотря ни на что.

Все детство Элизабет провела в роли судьи. Она могла зайти в комнату и в одно мгновение оценить обстановку: понять, ругались ли родители и по какому поводу. Когда отец изменял, мать рассказывала ей об этом как подруге. Она не скупилась на подробности. И была

одержима тем, чтобы быть худой, красивой и, что важнее всего, молодой. Постоянно заставляла дочерей использовать крем от морщин, когда они учились в средней школе. Садилась на самые причудливые диеты и вынуждала их к ней присоединяться. Она голодала и побуждала их делать то же самое. Она хвалила их за худобу и ругала, когда дочери не выглядели на максимум своих возможностей. Она придумала для них троих игру: они смотрелись в зеркало и по очереди указывали на недостатки друг друга.

– Никто не скажет тебе, когда ты выглядишь дерьмово, – говорила их мать. – Женщина должна быть самым строгим своим критиком.

Теперь любой разговор о теле вызывал у Элизабет дискомфорт. При всем этом она считала, что ущерб, нанесенный ей, был минимальным, учитывая все обстоятельства. Ей повезло иметь учителей, которые говорили ей, что она умна, которые поощряли ее способности. Ее крестный отец был журналистом. Он разглядел в ней задатки писателя.

Шарлотта же выпорхнула из-под материнской опеки существом совершенно поверхностным. От природы она и так была стройной и симпатичной, вдобавок часами укладывала по утрам волосы и красилась. Никого не удивило, когда она стала самопровозглашенным инфлюэнсером с кучей подписчиков в «Инстаграме», что подразумевало фотографии в купальнике на многочисленных островах Карибского бассейна.

* * *

Их родители развелись, когда Элизабет исполнилось восемь лет, а Шарлотте пять. Мать сбежала в тот же день, когда были подписаны все бумаги, оставив дочерей на попечение няни и отца, которого девочки, впрочем, видели редко. Когда мама вернулась шесть месяцев спустя, они с отцом каким-то образом вновь сошлись. Родители никогда и никак это не объясняли. Какое-то время отношения между ними складывались даже слишком хорошо, пока все не вернулось на круги своя.

Когда Элизабет училась уже в средней школе, родители не жили вместе около года. Однажды, ближе к концу этого периода, она спросила у матери, почему они с отцом расстались, на что мать ответила:

– А с чего ты взяла, что мы расстались?

– Наверное, с того, что папа живет в летнем домике, – зло бросила удивленная вопросом Элизабет.

– Ты поймешь, когда станешь старше, – заявила тогда мать. Эта часто повторяемая фраза раздражала Элизабет, потому что она чувствовала ее лживость, но не могла ее опровергнуть.

К тому моменту, когда она выпустилась, родители вновь были вместе и держались за руки на церемонии вручения дипломов.

С тех пор прошло почти два десятилетия – достаточно времени для того, чтобы она перестала переживать, сохранят ли они брак. С возрастом родители не стали более счастливыми или менее жестокими, но теперь они постарели. Элизабет решила, что им наконец удалось перерасти собственное непостоянство. И вот два года назад они расстались в очередной раз. Отец практически сразу же встретил кого-то во время рабочей поездки в Аризону и переехал к ней в Туксон. Он ускорил развод, заставив Элизабет с Шарлоттой задуматься, не планирует ли он жениться на этой женщине, которую никто из них еще не видел.

Новость о последнем разрыве родителей она до конца так и не осознала. Они сообщили ей об этом, и Элизабет поместила эту информацию в самый дальний угол сознания, настроившись не переживать по этому поводу. В то время она как раз пыталась забеременеть, и это отнимало слишком много моральных сил.

Это сработало. А потом появился ребенок.

В Бруклине они жили в старом итальянском районе. Каждый год четвертого июля соседи запускали фейерверки с балкона в честь Дня Независимости. Здание сотрясал грохот, ракеты рикошетили от их окон в спальне, и дважды их разбили. Они никогда не хотели быть новенькими, которые раздражали бы всех жалобами на традиции, поэтому годами молча терпели.

Когда Гилу было около шести недель, начался такой фейерверк, что малыш испугался первый раз в своей жизни. Его личико сморщилось. Он всхлипнул на груди у Элизабет. Сработал ее материнский инстинкт. Она позвонила в полицию, несмотря на то, что копы на их участке были братьями и кузенами тех самых соседей за окном. Когда офицер попросил ее имя и номер телефона, она, не задумываясь, их назвала.

– Ты дала им свое имя? – спросил Эндрю, когда она повесила трубку.

Два дня спустя, опаздывая к педиатру, они торопились к припаркованной машине, которую купили за несколько часов до того, как у Элизабет начались схватки.

Эндрю нажал на брелок, снимая сигнализацию, но двери не открылись. Он попытался открыть дверь ключом, но это тоже не сработало.

– Вот дерьмо! – выругался он. – Они сделали эту фигню... Когда замки чем-то заливают, и ты не можешь их открыть.

– Эту фигню? – переспросила Элизабет.

Эндрю дергал двери. Она достала телефон.

– Что ты собираешься делать? – поинтересовался он.

– Погуглю, чтобы узнать, то ли это, о чем ты думаешь.

– Это оно, – отозвался он.

– Возмездие, – осенило ее. – За то, что мы вызвали полицию.

– Я же тебе говорил, не стоило называть свое имя, – покачал он головой. – А потом вдруг произнес: – Ой.

– Ой что?

– Это не наша машина, – моргнул Эндрю.

Как только у них установилась какая-то рутина, намек на нормальность, они переехали сюда, в совершенно новую ненормальность.

– Кто хочет попробовать домашнего лагеря? – спросил Джордж. Вопросом это, на самом деле, не было, он уже доставал бутылку из холодильника и разливал пиво по стаканам.

– Это стаканы для воды, – в голосе Фэй слышалось раздражение.

– Пилигримы никогда не пили воду, – ответил Джордж. – Вы знали об этом? Только пиво. Даже дети.

– Да, и большинство из них к тридцати пяти уже были мертвы. – Фэй посмотрела на Эндрю. – Твой отец теперь варит пиво. Ему по почте пришел набор начинающего пивовара, и он думает, что он Сэм Адамс.

Элизабет села за стол и попробовала лагер. Ей не удалось разобрать, хорош напиток или отвратителен. Она сделала еще глоток. Фэй заговорила о скидочных купонах. Элизабет пила, пока стакан не опустел.

– Вкусно, правда? – спросил Джордж, наливая ей еще.

Она кивнула. Элизабет уже чувствовала это приятное стирание границ, легкое отделение себя от всех остальных в комнате. Когда она была молодой и навеселе, все, чего ей хотелось, – это кого-нибудь поцеловать. Теперь она мечтала вздремнуть.

– Как продвигается предприятие, сынок? – спросил Джордж.

Предприятие.

Он использовал именно это слово, всякий раз. Джордж был любящим отцом. Если он и думал, что идея Эндрю плохая, то виду не подавал. Но он ни разу не назвал этот проект тем,

чем тот являлся на самом деле, это и рождало в Элизабет подозрения. А идеей Эндрю был гриль. Гриль на солнечных батареях.

Элизабет присутствовала при рождении этой идеи десять лет назад. Самое начало их отношений, их первые выходные за городом. Они поехали во Флориду на свадьбу его друга из колледжа. Во время ужина, барбекю на пляже, гости любовались закатом, ели стейк и бургеры и запивали их фирменным коктейлем невесты, который на вкус напоминал фруктовый пунш, но на восемьдесят процентов состоял из рома.

Именно тогда Эндрю и сказал:

– Почему нет грилей на солнечных батареях? – Когда никто не ответил, он продолжил: – Только подумайте, это же гениально. Никто не делает барбекю в дождь. А с солнечными батареями можно избежать этого мерзкого угольного привкуса – привкуса рака, конечно же.

– Фуу, – скривился жених, Чарли, глядя на свою тарелку. Его бургеры слегка подгорели. Элизабет понадеялась, что никто не подумал, будто это и вдохновило Эндрю на его комментарий.

Его друзья, Джоэл и Итан, кивнули.

– Чертовски гениально, – воодушевился Джоэл.

Итан прищурился, задумавшись.

– Мне нравится.

– Мы должны это сделать, – сказал Эндрю.

Остальные согласились. Элизабет подумала, был ли их энтузиазм искренним. Люди ведь все-таки жарят барбекю и в дождливый день, не так ли? И разве весь смысл барбекю не заключается в этом дымном вкусе угля?

Она решила, что все это не имеет значения. К тому времени они все уже были навеселе.

На следующее утро, лежа на кровати в гостиничном номере с плотно задернутыми тяжелыми шторами, Эндрю прошептал:

– Я всю ночь не спал, думал о гриле. – Она не сразу поняла, что муж имеет в виду. – Ты не думаешь, что это отличная идея?

– Интересная, – ответила она.

– Джоэл сказал, это гениально.

«Джоэл адвокат по страховым делам», – хотела сказать она, но промолчала.

Элизабет пыталась определить, насколько тяжелым было ее похмелье. Ей был нужен кофе.

Навязчивая идея о гриле не отпускала Эндрю все выходные. Потом он не упоминал о нем несколько месяцев, пока на ужине у Номи один из ее коллег не заявил, что его отец изобрел суперклей, но не запатентовал его, оставшись из-за этого без миллионов. Каждый припомнил историю таких уплывших из-под носа изобретений. Муж Номи, Брайан, поклялся, что придумал TiVo еще будучи школьником.

– Он вспоминает об этом каждый раз, когда я хочу что-нибудь записать, – сказала Номи.

Эндрю рассказал о своем гриле, даже набросал на салфетке скетч – он напоминал кресло папаса, покрытое светоотражающими панелями, использующими энергию солнца для приготовления еды. Еду предполагалось готовить в сковороде, которая помещалась на треноге в центре этой конструкции.

Элизабет попыталась представить семью из пригорода, стоящую на заднем дворе вокруг этой штуковины, потягивающую пиво в ожидании зажаренных бургеров.

– Мне нужно найти инженера, который поможет определить угол наклона панелей, – размышлял Эндрю. – Это ключ ко всему.

– Черт, Эндрю, – поддразнила его Номи, – а ты времени зря не теряешь.

До этого момента Элизабет и не знала, что он уже все продумал. Она была уверена, что заметила разочарование на лице Эндрю, когда никто не поспешил назвать его идею лучшей из всех прозвучавших на ужине.

Этот набросок на салфетке в итоге занял место на холодильнике в Бруклине. Каждый раз, когда он попадался ей на глаза, Элизабет думала, не мечтает ли Эндрю повесить его в рамку на стену, когда у него все получится.

Идея с грилем вновь и вновь поднималась в течение всех этих лет, наполовину шутливо, наполовину нет. На его прикроватной тумбочке выросла стопка книг: «Справочник по солнечной электроэнергии», «Вне сети: энергия солнца дома», «Фотоэлектрический дизайн и установка для чайников», название последней казалось особенным оксюмороном. Элизабет никогда не видела, чтобы Эндрю их читал. В какой-то момент она заметила, что стопка исчезла.

Пять лет назад Эндрю бросил работу в крупной консалтинговой фирме и, немного потевряв в зарплате, перешел в компанию среднего звена, специализирующуюся на ресторанах. Элизабет надеялась, что это сделает его счастливее. На самом деле, стало только хуже. Теперь он работал с людьми, которые занимались тем, чем он хотел заниматься, но не был одним из них.

Он проработал три года. Они пытались завести ребенка, это стало их целью. По крайней мере, ее.

Пока однажды ночью в постели Эндрю не сказал, что не может дышать.

Это ее напугало. Он был сам не свой.

– Что случилось? – спросила она.

Эндрю ответил, что он боится застрять на работе, которую ненавидит, на всю оставшуюся жизнь.

– Я чувствую, что умираю, каждое утро по дороге на работу, – продолжал он. – Хотел бы я быть достаточно смелым, чтобы рискнуть.

– Может быть, тебе и стоит? Жизнь слишком коротка, чтобы делать то, что ненавидишь.

– Ты права, – отозвался он. – Я должен это сделать.

– Сделать что?

– Гриль. Я упомянул об этой идее на прошлой неделе на встрече с владельцами ресторанной группы, потенциальными клиентами. Один из парней впечатлился, понимаешь? Я точно знаю. Думаю, я бы мог привлечь его как инвестора на ранней стадии. Он сказал, что ему бы хотелось взглянуть на прототип, когда он будет готов.

Тогда Элизабет поняла, что не имела в виду того, что сказала. Работа, которую ненавидишь, была как минимум половиной того, что значит быть взрослым. Обычно Эндрю был практичным, надежным и уравновешенным. Она любила это в нем, полагалась на него.

– Это моя мечта, – сказал он. – Я бы хотел быть изобретателем в сфере питания. Уверен, что у меня родилось бы больше идей, если бы у меня только было время. Знаешь об этом парне, который изобрел Clog-B-Gone? Это просто кусок пластика, который собирает все волосы, застрявшие в канализации. Чувак заработал на этом двадцать пять миллионов в первый же год. Представь, если бы я заработал на гриле хотя бы половину от этого. Мы оказались бы обеспечены. Родители были бы обеспечены.

Он смотрел на нее с надеждой.

– Но на что мы будем жить все это время? – спросила Элизабет.

– Я все обдумал. Следующие полгода я буду работать по контракту. Использую это время для того, чтобы начать разработку гриля, и подам заявки на гранты в следующем году. И не то чтобы я на это рассчитывал, но у нас же есть сбережения на тот случай, если нам действительно понадобятся деньги, так ведь?

Она помедлила.

– Так.

Когда они поженились, то не стали объединять финансы, просто условились, что он будет оплачивать их повседневные расходы, а она с авансов, гонораров, продажи прав на экранизацию своей первой книги будет формировать их сберегательный счет. Будет откладывать на будущего ребенка, на его обучение, их пенсии.

– Ты уверена, что все в порядке? – спросил Эндрю. – Я знаю, звучит бредово. Но я чувствую, что сейчас самое время.

Это был самый подходящий момент для того, чтобы поделиться своими сомнениями, сказать ему правду. Но Элизабет не смогла этого сделать. Он никогда не разочаровал ее за все то время, что они были вместе.

Когда бизнес Джорджа рухнул, Эндрю сказал, что никогда бы не ушел с работы, если бы знал, что его родители вот-вот окажутся в таком затруднительном положении. Он сказал, что больше всего на свете хотел бы им помочь. Элизабет предполагала, что он думал об их накопительном счете, хотел, чтобы она предложила взять из их сбережений.

– Может, я слишком простой, – сказал он, когда она этого не сделала. – Они наверняка бы возмутились, заговори мы о помощи. Они вряд ли смогли бы вернуть нам долг.

Ей хотелось сказать, что, конечно, они должны предложить деньги Фэй и Джорджу. Но не могла. Денег не было.

Получение Эндрю стипендии на проведение научно-исследовательской работы в колледже стало решающим фактором для переезда из Бруклина. Он хотел быть ближе к родителям, чтобы помогать им по крайней мере по хозяйству, проводить с ними время, брать отца на рыбалку. Он подался на эту стипендию, и Элизабет согласилась с тем, что в случае положительного ответа они переезжают. Ей и в голову не приходило, что это случится.

Несмотря на сомнения, она гордилась тем, что Эндрю зашел так далеко. Даже изумлялась, если честно. Но, опять же, любой с по-настоящему отличной идеей подался бы в Стэнфорд, Гарвард или куда-то еще. Она могла только гадать, какая конкуренция царит в хиппи-колледже, где инженерный факультет назывался «зеленым».

У факультета был скромный фонд инновационных проектов, стипендия ежегодно выделялась подающим надежды молодым изобретателям, работающим над той или иной эко-технологией. Победителю доставалась команда студентов-рабочих и консультант проекта. У Эндрю был год на разработку прототипа и его лицензирование. Никакого плана на дальнейшее будущее у него не было.

Как и во всех своих недостатках, в своей неспособности поверить в него Элизабет винила свою мать. Она не имела представления о том, как должна выглядеть преданная жена.

История знает немало женщин, поддерживавших мужчин в их начинаниях. В конечном итоге они были вознаграждены за свою веру, готовность прожить без отпусков, ремонтов, свиданий во имя Великой Идеи. Жена, которая верила в мужа, оказывалась богатой сверх меры, обзаводилась благотворительной организацией, названной в ее честь, или покупала книжный магазин в любимом курортном городке.

Признание великих людей: «Все это было бы невозможно без нее».

Элизабет подумала о неудачниках, о которых никто не говорил. Связаны ли были их неудачи с нехваткой веры в них жен, или же все истории успеха были написаны постфактум? Впадала ли в ярость жена Стива Джобса от его возни в гараже, думая, что лучше бы он продавал страховку, как ее брат, до тех пор, пока вдруг – бум! – он не озолотился, и тогда-то она уже могла говорить, что знала, она всегда это знала, с самого начала?

– Как твои успехи, дорогой? – спросила Фэй Эндрю. Элизабет взглянула на мужа.

– Потихоньку, – ответил он и откусил кусок мяса, предотвращая дальнейшие расспросы.

В первые дни после переезда Эндрю не переставал говорить о своей работе. Как-то вечером он пришел домой и объявил, что один из студентов из его команды подсчитал, что гриль на солнечной батарее может жарить мясо в три раза быстрее, чем гриль на угле. В другой раз

он пришел с улыбкой до ушей, словно ребенок, проснувшийся рождественским утром, потому что узнал, что прототип гриля будет тестироваться на фокус-группах.

Но в последнее время новостей у Эндрю не было. Может, он ходил на работу и сидел в Интернете целый день, чем, по мнению Элизабет, и занималось большинство людей. Ее бы это совсем не беспокоило, если бы у него были хоть какие-то финансовые гарантии.

– А что насчет тебя, Лиззи? – спросил Джордж. – Уже есть идея для новой книги?

– Не совсем, – отозвалась Элизабет. Она пожалела, что рассказала ему, что не знает, о чем писать. Джордж видел в этом теперь еще одну возможность завести разговор на свою любимую тему.

Элизабет знала, что будет дальше.

– Полое Дерево, – продолжал Джордж. – Говорю тебе, это материал для бестселлера. Ты получишь Пулитцера.

– Пап, прекрати, – вмешался Эндрю. – Прошу тебя.

В большинстве случаев его терпение по отношению к родителям казалось бесконечным. Но в настоящий момент единственным исключением было Полое Дерево. Не то чтобы слова Джорджа не имели смысла, они все отмахивались от его теории, подумала Элизабет, из-за его чрезмерной эмоциональности. Она казалась нездоровой. Поощрять ее не следовало. Фэй сказала, он использовал любой предлог, чтобы заговорить об этом, в чьей бы компании ни находился. Она предпочитала, чтобы Элизабет с Эндрю меняли бы тему всякий раз, когда он на нее сворачивал, что они и делали.

На прошлых выходных Джордж с полчаса рассуждал о важности подписки на местную газету. Говорил, что им нужно ее оформить, если для них важно поддерживать журналистику.

– Элизабет сама журналист, – ответил тогда Эндрю.

– Да, – не сдавался Джордж, – и что?

– Рано или поздно мы подпишемся, сейчас это не самая большая забота. У нас онлайн-подписка на «Таймс», и я едва читаю его каждый день.

Вообще-то за «Таймс» они не платили. Разумеется, они относили себя к тем людям, которые это делать должны и будут, но в реальности по-прежнему пользовались логином и паролем со старой работы Элизабет, по большей части из-за лени.

Элизабет чувствовала себя виноватой и без напоминаний Джорджа. Когда они еще жили в городе, то заказывали еду почти каждый вечер даже после того, как она прочитала статью о том, что агрегатор, где они ее заказывали, разоряет кафе и рестораны. Ей каждый раз хотелось дать чаевые наличными, потому что в статье говорилось, что только так можно быть уверенным в том, что деньги достанутся курьеру. Но часто у нее не было мелких купюр, так что она добавляла чаевые онлайн, надеясь на лучшее и широко улыбаясь человеку за дверью, забирая у него теплый бумажный пакет.

В последнее время она покупала одежду и игрушки Гилу тоже онлайн, потому что поблизости не было хороших магазинчиков, а те немногие места в центре города, где продавались органик-товары для детей, были слишком дорогими.

Элизабет оправдывала себя тем, что зато теперь редко заказывает еду, учитывая тот факт, что здесь выбирать можно только между пиццей и китайской лапшой.

Она могла назвать кучу других вещей, которые они делали правильно. У них не было внедорожника, и они редко ели красное мясо. Они сортировали мусор. В общем изо всех сил старались быть хорошими. То, что у них не хватало времени ходить с Джорджем на протестные акции или сидеть и вести хронику мировых бед – ну, это было нормально. Джордж с новоприобретенным рвением восклицал: «Люди должны что-то *делать*, но большинство не делает ничего». Было невозможно не почувствовать, что он, хотя бы отчасти, имеет в виду и их.

Старик вновь заговорил о своем:

– Как насчет такого, Лиззи? «Полое Дерево: Разоблачение американской жадности» – по мне, звучит солидно.

– Может, вы и правы, Джордж, – ответила она. – Это может стать большой книгой.

– Она надо мной подсмеивается, но так и быть, – махнул он рукой.

– Думаю, вы ее и должны написать, это ваша идея.

– Я не писатель, – откестился он. – А вот ты – да. Вот тебе целая глава – «Торговля: конец семейных магазинов». Знаешь уже вымерший торговый центр в Декстере?

Элизабет покачала головой.

– Был такой огромный торговый центр, минут пятнадцать езды отсюда. Эндрю с друзьями там все время пропадал после школы. Официально он называется «Магазины Эвергрин Плаза». Много лет назад это место считалось самым роскошным в округе. Теперь оно практически пустое.

Никто ничего не сказал, но Джорджа это не смутило, и он продолжал.

– Я начал думать об этом после выступления Хола Донахью, владельца обувного магазина в центре города, на собрании нашей дискуссионной группы в воскресенье. Спустя шестьдесят лет он закрывает бизнес. Хол рассказал нам, что некоторое время назад к нему стали приходиться покупатели, прося примерить по три-четыре пары для себя или детей. А потом, прямо у него на глазах, они смотрели в Интернете, могут ли найти эту же обувь подешевле. Знаете, что сказал им Хол? Он сказал: «Удачи. Будет ли “Амазон” спонсировать местную футбольную команду и парад на Четвертое Июля?» Отличный вопрос, я тогда подумал. Люди не могут жить без этого.

– Мы не можем жить без «Амазона», – возразил Эндрю.

Элизабет метнула на него изумленный взгляд. Что это было?

Эндрю никогда бы не признался ни в чем подобном их друзьям в Бруклине. Все говорили, что ничего с «Амазона» не заказывают, так было положено. Хотя Элизабет видела фирменные коробки на ступеньках домов по всему их району, каждый вечер возвращаясь домой с работы.

– Что вы там покупаете? – спросил Джордж.

– Все. По большей части, все для ребенка. У нас оформлен ежемесячный заказ на памперсы, салфетки, молочную смесь. Бесплатная доставка. Тебе надо попробовать. Это намного удобнее, чем ехать в магазин только для того, чтобы обнаружить, что в половине случаев у них ничего нет.

– Вы выбираете удобство в ущерб человечности, возразил Джордж.

Фэй цокнула языком.

– Я начну беспокоиться о человечности, когда мой ребенок начнет спать по ночам, – пожал плечами Эндрю.

Удар ниже пояса, подумала Элизабет, особенно учитывая то, что Эндрю никогда не вставал к ребенку посреди ночи. Она послала Джорджу одобряющую улыбку.

– Расскажи Лиззи про тостер, – обратился он к Фэй.

– Что с ним?

– Сегодня утром наш новый тостер сломался без всякой на то причины, – сам начал Джордж. – Мы купили его месяц назад. Предыдущий был нашим свадебным подарком. И все еще исправно работал. А насчет этого даже пожаловаться никому нельзя. Магазин утверждает, что это проблема производителя. Производитель не берет трубку. Так и ходишь кругами, пока не махнешь на это все рукой.

Он стукнул кулаком по столу, как бы подчеркивая сказанное.

– Бум! Полое Дерево.

– Как раньше теперь не делают, – сказал Эндрю.

– Я знаю, что ты надо мной посмеиваешься, но это утверждение абсолютно верное. Мир скатился черт знает куда, – ответил ему Джордж. – Но большинству все-таки слишком ком-

фортно, чтобы обратить на это внимание. Раньше мы думали, что придет Большой Брат и отнимет у нас все против нашей воли. А теперь мы сами отдаем ему это с улыбкой.

– Ты говоришь, как студенты у меня на работе.

– И хорошо, – заявил Джордж, – рад, что молодежь это понимает. Меня это ободряет.

Если ничего не изменится, они будут первыми, кто окажется под ударом.

– Они называют себя социалистами, – заметил Эндрю.

Джордж пожал плечами.

С одной стороны, сейчас он и сам был практически социалистом. Хотел разрушить капиталистическое зло. Остановить прогресс, чтобы появился шанс на социальное равенство. С другой стороны, он был почти консерватором. Джордж оставался единственным человеком, которого Элизабет знала, кто не разделял восторгов насчет Обамы.

– Он все твердит, малый бизнес – это ответ, – недавно сказал Джордж. – И как это сработало в моем случае, а? Или в твоём, Лиззи, с твоим неоплачиваемым декретным отпуском? По сути, таким образом администрация говорит, не проговаривая этого прямо, что настоящие профессии не вернуться – производство в этой стране вымерло, – так что лучше бы вам изобрести свое собственное дело. Работы, которая будет гарантировать вам медицинскую страховку, пенсию или хоть какую-то социальную защищенность, у вас не будет.

Сегодня, когда Элизабет спросила у него совета, за какого кандидата ей проголосовать на предстоящих выборах в сенат штата, Джордж только вздохнул.

– Это не имеет значения, – ответил он. – Все они одинаковые. Они не придут нас спасать, Лиззи. Мы сами должны себя спасти.

* * *

Когда они вернулись домой, Эндрю сказал:

– Папа кажется еще больше не в себе, чем обычно, со всеми этими разговорами про Полое Дерево.

– Он проговаривает свои страхи, – возразила она. – Оставь его.

За ужином Элизабет выпила вторую бутылку пива, съев всего ничего, тайком скормив остатки еды собаке, пока Фэй не видела. От алкоголя, помноженного на ее обычную усталость, у нее закрывались глаза.

– Родители стареют, – продолжил Эндрю. – Мне от этого грустно. Видишь, вот почему Гилу нужен брат.

– Ты романтизируешь отношения между братьями и сестрами, – заметила она. – Посмотри на меня с Шарлоттой. У нас нет ничего общего. Единственное, о чем мы когда-либо говорим, – это наши ненормальные родители.

– Вот именно. Иметь кого-то в этом мире, кто знает, что такое твои родители. Кого-то, с кем можно друг другу посочувствовать. Об этом-то я и говорю.

– Ты хочешь, чтобы у Гила был кто-то, кому он будет на нас жаловаться.

– Именно так, – подтвердил муж.

– Знаешь, даже если бы хотели еще ребенка, не думаю, что мы можем себе его позволить, – заметила Элизабет. – Это дорого. Номи мне рассказывала, что приценивается к дошкольным программам, которые стоят тридцать тысяч в год.

Эндрю на это ничего не ответил. Она подумала, не воспринял ли муж ее слова как намек на то, как мало он зарабатывает. Ей не хотелось, чтобы он так ее понял. Хотя, может, и хотела. Может, она встала в защитную позу, потому что подумала о Шарлотте, а она никогда не думала о Шарлотте, не думая о деньгах.

Когда Элизабет было двадцать три, а Шарлотте двадцать, они условились, что больше не возьмут у отца ни доллара.

Этот уговор потребовал жертв, особенно поначалу. Элизабет стала подрабатывать официанткой, свою зарплату с работы в журнале она раньше спускала на одежду и сумки. Но это того стоило. Она перестала от него зависеть.

С детства отец подкупал их, чтобы сестры хранили его секреты и терпели отвратительное поведение. Элизабет все еще помнила узор на обитых тканью диванах в прохладном вестибюле отеля, где он оставил их с коробкой карандашей, а сам поднялся наверх с какой-то женщиной, вернувшись час спустя с пятидесятидолларовой купюрой для каждой из них.

Когда он вышел из себя и избил другого отца, осмелившегося увести у него из-под носа парковочное место на балетном выступлении Шарлотты в четвертом классе, перед дочерью он извинился, купив ей породистого щенка хаванеза. Когда папа заявился, воняя джином, с какой-то женщиной, представив ее как «коллегу», чтобы забрать Элизабет со дня рождения подруги, на следующий день он отвез ее прогуляться по магазинам.

Он использовал деньги одновременно как кнут и пряник, угрожая лишить их всего, если его не устроит их выбор. Он сказал, что оплатит обучение Элизабет только в том случае, если та поступит в один из десяти лучших университетов, в противном случае смысла в этом нет. Он отказался платить за школу танцев Шарлотты. «Танец – это не то, что ты изучаешь, – заявил отец. – Это просто что-то, что ты делаешь».

Это привело к тому, что Шарлотта поступила на маркетолога, а потом бросила учебу, чтобы уехать жить в Мехико с парнем, которого встретила на весенних каникулах.

Их мать говорила: «Папа просто хочет для вас самого лучшего», – и это было правдой, но он хотел решать сам, что для них лучше.

Их отец был одновременно обаятельным мужчиной и жестоким нарциссом, наделенный даром заставлять своих жертв забывать причиненную им боль. Это работало в случае с их матерью. Для нее не существовало ничего, что не мог бы загладить бриллиантовый браслет или внезапный отпуск.

Но четырнадцать лет назад он совершил нечто такое, чего Элизабет простить не смогла.

Шарлотта тогда тоже жила в Нью-Йорке. Она была у Элизабет, когда он приехал, чтобы помириться. Предполагалось, что это будет грандиозный жест. Отец летел через всю страну.

Элизабет рыдала, когда он зашел в квартиру. Она вся подобралась, когда его увидела.

– Милая, – начал он, – взбодрись. Я знаю, сейчас ты чувствуешь себя так, как будто небо упало на землю, но поверь мне, ты забудешь обо всем через неделю. Знаешь, откуда я знаю?

Элизабет отвернулась от него, готовая закричать.

– Шарлотта, – обратился он, – ты тоже захочешь это услышать.

– Не сейчас, папа, – ответила она.

Но он, как обычно, продолжал.

– Я договорился с братом, вы вдвоем можете пользоваться его домом в Саутгемптоне все лето, – сказал он. – Отличная сделка, пять спален, рядом пляж, можно приехать с друзьями. Я знаю, о чем вы сейчас думаете: как же мы туда доберемся? Поезд – это так хлопотно. Что ж, девочки. Ваш новый кабриолет «Мерседес» припаркован на улице. Кто хочет прокатиться?

Элизабет подняла на него взгляд. Она не сомкнула глаз и проплакала сорок восемь часов. У нее болели глаза.

– Убирайся, – произнесла она. – Просто уходи.

Отец был ей отвратителен, но ее воротило и от самой себя. Все зашло так далеко, потому что ее стало легко подкупить.

Когда он не сдвинулся с места, она продолжила:

– Ты портишь все, к чему только прикасаешься. Ты думаешь, что можешь просто вмешиваться в жизни других людей, когда тебе заблагорассудится. Так вот, с меня хватит.

Выражение его лица говорило, что для него это не более чем игра, вероятно, он полагал, она выторговывает условия получше.

– Ну что ж, – отозвался он. – Шарли, думаю, для тебя это хорошие новости. Ты только что стала единоличной владелицей новой машины. Делить вы ее не будете, пока Элизабет не прекратит дуться.

Элизабет хотела его ударить.

Шарлотта была его любимицей, да и она сама обожала отца. Так что Элизабет шокировало, когда та сказала:

– Нет, папа, в этот раз ты зашел слишком далеко. Элизабет права. С нас хватит.

Он выглядел ошеломленным. Открыл было рот, чтобы что-то сказать, но вместо этого развернулся и вышел.

После долгой паузы Элизабет встретила с сестрой взглядом. Они никогда не были близки. Они были слишком разными. Но в тот момент она почувствовала ту связь с сестрой, о которой мечтала еще в детстве.

– Спасибо, – поблагодарила она.

– Он это заслужил, – отозвалась Шарлотта. – Все, что ты сказала, – правда.

В пятнадцать Шарлотта пила шампанское на яхтах с богатыми стариками. Она путешествовала по миру с самыми неподходящими мужчинами на деньги их отца. Папа это допустил. Убрал ее с глаз долой. Казалось, сестра просто веселилась, но Элизабет понимала, что это было не более чем спектаклем. Шарлотта не хуже нее знала, что с ними сделало его поведение.

После того, как отец вышел из ее квартиры, они не разговаривали с ним три года. До тех пор, пока с ним не случился легкий сердечный приступ и мать не убедила их, что он умирает.

Все это время они отказывались принимать его финансовую помощь. Деньги означали власть, которой отец теперь над ними не имел.

Шарлотта перебралась в апартаменты на берегу океана на островах Теркс и Кайкос. Три дня в неделю она преподавала йогу в пятизвездочном отеле. И вела аккаунт в «Инстаграме», она обожала напоминать Элизабет, что стала верифицированным пользователем с семьюдесятью пятью тысячами подписчиков.

– Она не может жить только на это, – неоднократно повторял Эндрю. – Это невозможно. Ваш отец, должно быть, посылает ей деньги.

– Я точно знаю, что это не так, – отвечала Элизабет, не вдаваясь в подробности.

Долгое время Шарлотту спонсировал ее жених Мэттью, финансист, который, как и их отец, зарабатывал на теневых сделках с недвижимостью. Три года назад она отменила свадьбу. Переехала на острова, завела аккаунт в «Инстаграме».

– Сколько у нее всего купальников? – удивлялся тогда Эндрю.

На каждой фотографии на Шарлотте был новый купальник. Фотографии она подписывала вдохновляющей чепухой о мечтах, призвании и поиске себя.

Очевидно, она знала, что делает. Когда бы сестры ни говорили, Шарлотта всегда рассказывала о косметических компаниях и брендах дорогих босоножек, которые присылали ей свою продукцию для рекламы. Сеть бутик-отелей по всему Карибскому бассейну спонсировала ее проживание, заселяя ее в роскошные номера, где она позировала полуобнаженной у окна, глядя на океан сквозь прозрачные струящиеся шторы.

И все-таки, как часто замечал Эндрю, оставалось неясным, как Шарлотта платит по счетам. До того дня, как она позвонила Элизабет в слезах и сказала:

– Не ненавижу меня, но мне придется позвонить папе. Я на мели. Не просто на мели, если честно. Я по уши в долгах.

– Насколько больших долгах? – уточнила Элизабет.

– Двести пятьдесят.

– Двести пятьдесят тысяч долларов?

– Развитие бизнеса оказалось не дешевым, понятно? Камера, одежда, перелеты, пускание пыли в глаза. Но это все скоро окупится. Скоро я планирую заработать за раз в два раза больше той суммы, которую должна.

Элизабет никогда раньше не слышала, чтобы ее сестра называла то, чем она занимается, бизнесом.

– Каким образом? – спросила она.

– Я не собиралась никому рассказывать, пока не будет подписан контракт. – ответила Шарлотта. – Но я веду переговоры насчет огромной сделки с «Энтузиумом».

– Это что такое?

– Таблетки для похудения.

– Ты принимаешь таблетки для похудения?

– Боже, нет. Они для отчаявшихся толстяков. Моя фигура – это типа какими они станут после таблеток.

– Но тебе придется говорить, что ты их принимаешь.

– Разумеется. Что я хочу сказать – деньги мне нужны раньше, чем будет заключена сделка. Я подумала, ну что такого, если я попрошу их у папы. Это даже не будет считаться, что я их выпросила. Просто одолжила. Как только со мной подпишут контракт, я сразу же ему их верну.

– Не делай этого, – попросила Элизабет. – Ты что-нибудь придумаешь. Когда у тебя уже такой большой долг, что случится, если ты подождешь еще месяц-два прежде, чем заплатить по кредитке?

– Это может занять больше месяца или двух. Америкэн Экспресс посылает в мой дом коллекторов. Это плохо. Я могу потерять все. На маленьком острове слухи разлетаются быстро. Ты можешь себе представить, как это скажется на моем бренде?

– Твоем бренде?

– Мне нужно скинуть с плеч этот груз, – сказала Шарлотта. – Решение я приняла. Просто подумала, что предупрежу тебя перед тем, как позвоню ему.

У Элизабет колотилось сердце. Она сделала все возможное, чтобы отец не имел над ней власти. Это было ради нее самой. Но ее потребность в том, чтобы Шарлотта поступила так же, объяснялась просто – желанием его наказать. И отказываться от этого желания она не хотела.

– Давай я дам тебе в долг, – предложила она.

– Серьезно? – фыркнула Шарлотта.

На следующий день Элизабет перевела ей нужную сумму, уже сомневаясь в правильности своего решения.

На сберегательном счете хранилось чуть больше трехсот тысяч долларов – когда она о них думала, то чувствовала защищенность и гордость от того, что скопила их сама. Почти всю эту сумму она перевела сестре.

Чтобы успокоиться, она напоминала себе, что дала их в долг. Но прошло два года. Контракт так и не был подписан. Каждый раз, когда Элизабет про него спрашивала, Шарлотта заверяла, что они обсуждают последние детали.

В моменты особенного уныния Элизабет просматривала каждый комментарий под постами сестры в социальных сетях в попытках найти хоть какие-то зацепки, подсказывающие, когда сделка будет совершена.

Тем временем Шарлотта занимала еще больше. Суммы были по большей части небольшими, но они накапливались. Счета за машину, жилье. Чек в ресторане на триста долларов, когда ее кинул какой-то придурок, не заплатив после того, как они поругались.

Когда она соглашалась одолжить ей деньги, Элизабет понятия не имела, что Эндрю собирается увольняться. Его зарплата покрывала их расходы на проживание, ЭКО, да на все, честно говоря. Когда они съехались, она продала свою однушку, и они вместе купили квартиру в

Бруклине, оказавшейся отличной инвестицией. Новый дом им удалось купить сразу же на деньги с продажи квартиры.

Но жить в принципе дорого.

Сейчас они оба не слишком хорошо зарабатывали. Элизабет переживала из-за денег так, как не случалось с тех пор, когда она отказалась брать их у отца. Сумма на сберегательном счете стремилась к нулю с каждым ужином не дома, с каждым походом за продуктами – об этих расходах ей даже не приходилось особенно думать, когда Эндрю трудился на прежней работе.

Он не имел ни малейшего представления о стоимости их жизни. Не представлял, сколько за эти годы она потратила на постельное белье, ковры, мебель, посуду – все то, из чего складывается уют в доме.

Они привыкли к определенному образу жизни. Элизабет не могла отказаться от органических ягод, фермерских яиц с омегой-3, хорошего кофе, экологичного средства для мытья посуды, стоившего в три раза дороже обычного. Даже если бы она от всего этого отказалась, такие разительные перемены могли бы навести Эндрю на подозрения.

Элизабет давно ничем не баловала себя. Когда закончилась ее дорогая уходовая косметика из Блумингдейла, она заменила ее кремами и сыворотками из ближайшей аптеки. Вряд ли они работали хотя бы вполовину так же, но, возможно, ей просто так казалось. В прачечной у нее висело неношенное дорогое платье с биркой. Она берегла его на крайний случай, если вдруг ей понадобится надеть что-то новое, то, что она больше не могла себе позволить.

Элизабет сказала сестре, что у них мало денег. Но добавила, чтобы та все равно к ней обращалась при необходимости. Но нужды Шарлотты все не заканчивались. Элизабет так и не рассказала Эндрю о долге. Он думал, что у них есть сбережения на черный день, что они себя обезопасили. Она оправдывала себя так: пока муж не спросил прямо, а она не ответила, ложью назвать это нельзя. Все еще можно было исправить.

Теперь же стало слишком поздно говорить ему правду. Он бросил работу, пошел на огромный риск, думая, что у них есть подушка безопасности. Он был бы взбешен и напуган, узнай об этом.

Элизабет предала его, чтобы помочь сестре. Сестре, которая в день появления Гиля на свет разместила в «Инстаграме» фотографию себя на закате, обнаженную, свернувшуюся в позе эмбриона на пляже. И написала: «Баласана... дыхание новой жизни. Сегодня в этот мир пришло дитя, сделанное из той же плоти и крови, что и я, – энергия множится, мудрость обновляется. Закончилось ли на самом деле мое младенчество? Я свой собственный ребенок, нежный, изумленный. Я клянусь заботиться о себе как о драгоценной душе, вновь приветствующей вселенную».

– Она что, пытается создать впечатление, что у нее есть ребенок? – требовала тогда ответа Элизабет.

– Она что, правда голая? – спрашивал Эндрю.

Прошло шесть часов, прежде чем Шарлотта потрудилась написать им сообщение с поздравлением.

Даже в моменты глубочайшего сожаления Элизабет была довольна, что одалживание денег удержало Шарлотту на ее стороне в этой семейной войне. Это было тем единственным, что ей нравилось в сестре, но значило больше, чем все остальное вместе взятое.

Этой ночью она не могла уснуть.

Эндрю сопел рядом. Она взяла телефон и открыла группу «Бруклинские мамочки».

Кто-то просил порекомендовать кофейню, где можно задержаться надолго и писать. Уж она-то знала.

«Кафе “Хармони” – мой выбор, – написала она. – Превосходная атмосфера, лучший латте в Бруклине, и никто никогда вас не поторопит».

Она отправила комментарий, представляя себя в том кафе, одну, среди людей.

Мими Винчестер отреагировала мгновенно. «“Хармони” закрылось две недели назад. Попробуй “Келлис”».

Элизабет была немного знакома с Мими по тем временам, когда им было за двадцать и они обе работали в журналах. В то время Мими считалась хваткой репортершей, но потом вышла замуж за парня из хедж-фонда и теперь писала по статье раз в полгода, обычно о линии косметики или бренде одежды, которые запустил кто-то из ее друзей. Тогда она кидала ссылку на статью в группу мамочек с припиской: «Просто развлечься!»

Однажды Мими наткнулась на Элизабет, сидящую на скамейке в Кэрролл-парке. Элизабет встряхивала банку с молочной смесью, переливая густую серую жижу в бутылочку Гила, который разрывался от плача в коляске.

– Боже мой, ты усыновила ребенка? Это так мило! – проворковала Мими.

Элизабет была почти уверена, что она не пыталась нарочно ее обидеть. Ей просто не приходило в голову, что биологическая мать может кормить ребенка чем-то иным, кроме своей груди.

Тогда ей хотелось бросить Мими в лицо все самое гадкое, что она о ней думала.

Элизабет надеялась, что все самое жалкое в ней, все ее глупые комплексы каким-то образом сотрутся материнством. И поначалу ей показалось, что так и произошло. Но эти мысли вернулись, как и многие другие нежеланные гости, когда Гилу исполнилось восемь недель.

Кафе «Хармони» закрылось, и Мими хотела, чтобы она это знала. Почему такая мелочь вообще должна ее нервировать? Однако же нервировала. Элизабет чувствовала себя так, как если бы ее шлепнули по руке.

4

Сэм

В конце каждого коридора в общежитиях короткий лестничный пролет вел к четырем комнатам – по две больших двухместных комнаты с каждой стороны. Их называли «платформами». В этих комнатах разрешалось жить только старшекурсникам, и только они устраивали вечеринки по пятницам.

Сегодня была их очередь. Изабелла заранее приготовила сангрию в ведре для мусора. Ее приторно-сладкий запах наполнял комнату.

Принимать у себя вечеринку считалось делом довольно значительным, но Сэм об этом даже не думала. Рейс Клайва из Лондона должен был приземлиться в десять.

Изабелла предложила ей взять свою машину, чтобы доехать до аэропорта, но это было слишком мило, Сэм бы переживала. Вместо этого она упростила Стэф, капитана баскетбольной команды, позволить ей одолжить выдавший виды фургон, который они использовали для выездных игр. Сэм никогда раньше не водила минивэн, но решила не упоминать об этом в разговоре.

Всю неделю ее снедало предвкушение и беспокойство в равной степени. Со вторника ладони не переставали потеть. Живот крутило. Она не могла представить себе Клайва здесь, среди ее друзей. Изабелла выразила это очень точно: «Невозможно просто так привести сюда британца ростом шесть футов пять дюймов, оставшись незамеченной».

Сэм не хотела становиться предметом обсуждений. И все же ей не терпелось его увидеть. Она ужасно по нему соскучилась.

После ужина Изабелла завила ей волосы и накрашила. Затем настала очередь Сэм помочь подруге.

Было большим облегчением хоть ненадолго отвлечься от мыслей о Клайве.

Сэм открыла небольшой холодильник и вытащила пузырек с прозрачной жидкостью. Наполнила ею шприц.

– Готова? – спросила она.

– Готова.

Изабелла одной рукой задрала голубую майку, а второй опрокинула в себя шот. Сэм воткнула иглу прямо в ее напряженный живот, словно бросив дротик. Изабелла вздрогнула – от выпивки или от боли, Сэм не могла сказать наверняка.

Она сосчитала до пяти, вытащила иглу и промокнула спиртовым тампоном выступившую капельку крови.

Процедура стала для них шоком, когда девушки первый раз проделали ее три недели назад, то кричали и прыгали по комнате, прежде чем приступить к делу.

В конце концов Сэм сказала: «Мы пройдем через это вместе. Доверься мне, я смогу. У меня мама медсестра».

Изабелла продавала свои яйцеклетки паре, которая дала объявление в студенческую газету. Им нужен был донор с каштановыми волосами и голубыми глазами, со средним баллом от 3.7 или выше. Изабелла подходила по всем трем критериям, хотя, если бы они запросили выписку из ее студенческого дела, то увидели бы, что большинство ее пар прошло на факультете истории кино.

Она никогда не встречалась с этими людьми. Сделку совершили через агентство. Изабелле нужно было предоставить фотографии разных этапов своей жизни.

Сэм слышала, как она говорит по телефону.

– Мамочка, можешь мне прислать несколько моих детских фотографий? Это для учебного проекта.

Сэм не могла понять, зачем она это делает. Изабелла была богаче, чем кто-либо из ее знакомых.

– Это не я богатая, а мои родители, – часто повторяла Изабелла, что было лишено смысла в глазах подруги.

Сэм предложила найти подработку на кампусе, если ей хотелось заработать. Изабеллу это предложение, казалось, ошеломило.

– Мне понадобится год, чтобы заработать столько, сколько я получаю сейчас меньше, чем за месяц. К тому же, дело не только в деньгах. Я делаю это, чтобы поделиться тем, что у меня есть, с кем-то другим. Вроде как кровь сдать. Только, очевидно, донорство яйцеклеток – гораздо большая жертва.

Изабелла рассказывала всем, кто ее слушал, насколько она бескорытна.

Соседками по комнате девушки стали совершенно случайно. Поначалу они друг друга терпеть не могли. Но к тому моменту, когда нужно было решать, с кем жить второй год, все же остались вместе по обоюдному согласию. Сэм раньше думала, что Изабелла – истеричка, но теперь она эту истеричку полюбила.

Возможно, она стала донором яйцеклеток по той же причине, по которой делала большинство вещей. При любой возможности Изабелле требовалось заниматься чем-то захватывающим, экстремальным, что раздвигало бы рамки ее обычной жизни. Сэм никогда ей на это не указывала. Их дружба строилась на взаимном принятии. Подруги поддерживали решения друг друга, какими бы глупыми они ни были. Так что Сэм не говорила, что если все пойдет по плану, то родившийся ребенок будет наполовину Изабеллы. Изабелла, в свою очередь, не комментировала отношения Сэм с Клайвом. Остальные подруги дали ей понять, что считают их странными. Они либо задавали кучу вопросов, либо никогда не упоминали его в разговоре.

Изабелла сама предложила провести четыре следующие ночи в комнате Лекси и Рамоны напротив. Рамона едва ли появлялась в общежитии. У ее девушки была комната в модном доме на Рид-стрит, поэтому ее кровать всегда пустовала. И все-таки Изабелла добровольно жертвовала своим комфортом.

Сэм считала минуты до этих ночей наедине с Клайвом, но теперь, когда он уже практически был здесь, ей казалось, что она будет скучать по Изабелле. Это как с Гилом. Когда она с ним сидела, то только и мечтала, чтобы он поскорее заснул, и она смогла бы сделать домашку или посмотреть телевизор. Но как только малыш засыпал, ей хотелось его разбудить и насладиться его компанией.

В восемь пятнадцать Изабелла стояла в переполненном холле, разливая сангрию из мусорного ведра по красным пластиковым стаканчикам, используя кружку с надписью «А как бы поступила Бейонсе?» в качестве черпака. Она покачивалась под музыку, прикрыв глаза, и отхлебывала сангрию прямо из кружки, когда думала, что никто не смотрит.

Сэм смотрела на нее, потягивая пиво, и иногда бросала взгляд на часы, как будто могла пропустить приезд Клайва.

Еще год назад, только услышав музыку, доносящуюся с такой вечеринки, она бы мечтала на ней оказаться. Но сейчас это казалось бессмысленным. Такая же проходила в прошлую пятницу, и в позапрошлую. В десять тридцать они спускались на настоящую, большую вечеринку, но никогда не веселились на ней так, как во время подготовки к ней. Завтра они все проснутся поздно, с похмельем или и вовсе еще слегка пьяные, и, спотыкаясь, побредут в столовую за бейглами.

После лета, проведенного в Лондоне, Сэм казалось ненормальным жить в общежитии в комнатах, которые отличались друг от друга разве что цветом штор или покрывалом на кровати в цветочек, которое выбрала чья-то мама. Казалось диким, что ей говорят, что и когда она будет есть.

Сэм могла потратить час, блуждая по Бикман-маркету в центре города, выбирая крошечное мыло и серебристые тюбики дорожущего крема для рук, мысленно обставляя дом, которого у нее не было, но в котором она могла представить себя живущей с Клайвом. Она так ничего и не купила.

Изящное мыло смотрелось бы нелепо на пластмассовой полке в общей душевой. Крем для рук брала бы каждая заходящая в комнату, заставляя ее каждый раз нервничать, вспоминая его цену. Дом, который девушка себе представляла, был тем домом, в котором она провела последние несколько недель в качестве няни. Домом Элизабет. В светлых, со вкусом обставленных комнатах царил покойствие, которое, казалось, исходило от самой Элизабет.

Сэм решила, что не будет подрабатывать в этом году в столовой колледжа, как делала это в прошлом. Отчасти из-за того, что смены на выходных помешали бы ей увидеть Клайва, отчасти, если быть совсем честной, потому что ей хотелось насладиться студенческой жизнью, хоть раз не намывая тарелки за своими друзьями.

Она планировала работать два полных дня в неделю за пределами кампуса, но Элизабет няня была нужна на три дня. Сэм поменяла свое расписание. Теперь по вторникам и средам у нее стояли пары с восьми утра до шести вечера, но это того стоило. Она никогда раньше не работала на кого-то вроде Элизабет. Иногда она наливала им обоим по чашке кофе, прежде чем уйти работать, и сидела и болтала с Сэм минут пятнадцать, как будто и не платила ей за то, чтобы она присматривала за малышом. Элизабет расспрашивала ее обо всем – о ее творчестве, путешествиях, планах.

Бывая там, Сэм часто притворялась, что этот дом принадлежит ей, и этот ребенок тоже. Она подходила к книжному шкафу, где стояли экземпляры книг Элизабет в твердом переплете и несколько их же переводов на разные языки, и представляла, каково это – добиться чего-то в таком духе. Сэм подумала, что среди прочего почувствовала бы облегчение.

Ей нравилось мыть руки в туалетной комнате на первом этаже, окруженной мягкими белыми полотенцами и обоями с рисунком из огромных зеленых листьев. Мыло пахло пионом. Сэм чувствовала себя лучшей версией себя всякий раз, когда им пользовалась.

Она спросила у Элизабет, где его можно купить.

Элизабет пожала плечами и сказала, что не может вспомнить.

– В аптеке, наверное, – предположила женщина.

В этом была вся она – непринужденная, лишенная притворства.

Элизабет хорошо выглядела, не прилагая к этому никаких усилий. Она почти никогда не красилась. У нее была фигура стройного юноши, тело, о котором Сэм мечтала всю свою жизнь. Из них двоих, это Сэм выглядела так, как будто родила пару месяцев назад. Ей хотелось стать такой женщиной хоть на день, хоть на час. Женщиной, которой не приходилось расстегивать пуговицу на джинсах, чтобы не слишком сдавливало живот, когда садишься, или терпеть унижительное подпрыгивание груди на пробежке.

Сэм однажды заметила Элизабет в городе, когда они с Изабеллой гуляли по центру. Изабелла проследила за взглядом подруги и спросила:

– Это кто?

– Мой босс, – ответила Сэм.

– Ты собираешься подойти поздороваться?

– Нет.

– Она милая.

– Пожалуйста, отстань от ее.

– Сколько ей лет? Она ровесница Клайва?

– Нет, – ответила Сэм. – Не знаю. Думаю, постарше. Она замужем и с малышом.

– У моей мамы в возрасте Клайва уже был восьмилетний ребенок, – возразила Изабелла.

– Не говори мне об этом.

Друзья Элизабет присылали экстравагантные подарки. Писатель, которого она представила своему агенту, в знак благодарности отправил ей коробку трюфелей из шоколадного бутика на Манхэттене. Как-то раз ее лучшая подруга прислала букет цветов в стеклянной вазе просто потому, что у Элизабет был неважный день. Все это, похоже, не производило на нее особого впечатления. Когда привезли огромную коробку из Уильямс Сонома, Элизабет не открывала ее неделю.

Даже кубики льда у нее были самыми красивыми, которые Сэм когда-либо видела. Их форма была идеальной, в отличие от мутных ледышек из холодильников обычных людей.

Утром в понедельник, открывая холодильник, чтобы достать бутылочку Гила, Сэм увидела остатки воскресного ужина: запеченный цыпленок, фаршированный лимонами, картофельные дольки, посыпанные укропом. В тот момент она сильнее всего позавидовала Элизабет.

Перед тем, как Сэм уехала в колледж, мама подарила ей набор под названием «Ужин для одного». Это была коробка, в которой лежали четыре предмета из синего фарфора: три тарелки – столовая, закусочная и глубокая суповая, и кружка. Поначалу она им пользовалась, а потом задвинула в дальний угол – что-то ее угнетало.

Судя по тому, что она видела вокруг, большинство людей за двадцать были намного ближе к Ужину для Одного, чем к Воскресному Запеченному Цыпленку. Чем больше она об этом думала, тем больше ее раздражало вынужденное соседство с незнакомцами, которых связывало только то, что никто из них не мог позволить себе жить один. Сэм хотела побыстрее миновать этот период жизни и пустить где-то корни.

Клайв говорил о переезде за город. Маленький домик с комнатой на втором этаже, где она сможет устроить мастерскую. Дети – пусть и не прямо сейчас, но когда-нибудь. Это звучало одновременно волнительно и пугающе.

Увидев в туалете общежития использованный тест на беременность, Сэм подумала, что здесь-то никто не надеялся на положительный результат. Она бы хотела прийти к тому этапу в жизни, когда ее реакция была бы такой, как в рекламных роликах: счастливая пара, подпрыгивающая от радости.

– Надень мое черное платье! – крикнула кому-то Изабелла, возвращая Сэм к реальности. – Оставь его себе! Я серьезно, оно отлично на тебе смотрится.

Изабелла была уже пьяна. Раздача вещей явственно об этом свидетельствовала. Через неделю-другую она будет обыскивать их шкафы, спрашивая Сэм, не видела ли та где-нибудь ее черное платье.

Гости на вечеринке скинулись на пиццу. Сэм подошла к башне из коробок на столе, вытащила два куска с сыром и положила на бумажную тарелку, которую вручила своей соседке.

– Давай, ешь, – подтолкнула она Изабеллу.

Та откусила один раз, второй, и поставила тарелку на пол.

– Спасибо, мамочка, – поблагодарила она подругу. – Обещаешь, что будешь всегда за мной присматривать?

– Да, – ответила Сэм.

– Даже когда вы с Клайвом поженитесь и будете воспитывать пятерых детей где-нибудь в Англии, а я буду любовницей корпоративного магната в Дубаи?

– Даже тогда, – заверила ее Сэм.

Они улыбнулись, потому что подумали, что им обеим понравилось, как это прозвучало.

Изабелла обхватила ладонями лицо Сэм.

– Я тебя так люблю, что аж больно.

Сэм могла поклясться, что чувствует, как жир с пальцев Изабеллы проникает ей прямо в поры кожи.

– Я тоже тебя люблю, – ответила она.

К десяти вечера Изабелла уже рыдала.

Вполне естественно, учитывая, сколько было выпито, но Сэм почувствовала раздражение. Предполагалось, что это она сегодняшней ночью будет нервничать и принимать напутствия. Скоро ей уже нужно было уезжать в аэропорт.

Они прошли в свою комнату и закрыли дверь.

– Что случилось? – спросила Сэм.

Изабелла выглядела так, как будто пыталась что-то вспомнить.

– Я скучаю по Дэррилу, – наконец пробормотала она.

– Дэррилу?

– Дэррену.

– По парню, с которым вы встречались в старших классах школы?

– Мы начали встречаться в конце школы, Сэм. Он был единственным парнем, который принимал меня такой, какая я есть. – Изабелла, должно быть, что-то заметила на лице Сэм и добавила: – Я серьезно.

– Я тебе верю, – сказала Сэм. – Хотя история звучала бы более убедительно, если бы ты не забыла его имя.

Изабелла поджала губы, решая, стоит ли это оспорить. Затем откинула голову и рассмеялась.

Она изменила Дэррену в первую же субботу в колледже и сразу же позвонила ему, чтобы в этом признаться. Они расстались к концу первой недели. Насколько Сэм знала, с тех пор они больше не разговаривали.

– Я ему позвоню. – Изабелла уже доставала из кармана телефон.

– Давай с этим повременим, – предложила Сэм.

– Ладно, тогда я позвоню Тоби.

Тоби был парнем, с которым она познакомилась на первом курсе за границей, который порвал с ней прямо перед ее отъездом и вновь сошелся со своей бывшей, заставив задуматься, а расставался ли он с ней вообще.

Один из недостатков отдельного обучения то, что количество парней, о которых можно было хотя бы подумать, ничтожно. Они цеплялись за парней в жизни и в своих фантазиях куда дольше, чем любая нормальная девушка. В каком-то смысле это напоминало тюрьму или войну.

До Клайва единственными отношениями Сэм в колледже были отношения с Джулианом, милым, но странноватым парнем, работающим в библиотеке кампуса.

Он был честолюбивым поэтом, получившим степень по литературе в государственном колледже, который, как он не преминул пояснить, выбрал только потому, что туда было легко добираться. Помимо работы в библиотеке, Джулиан стажировался в трех местах одновременно: одна стажировка была удаленной, у переводчика в Нью-Йорке, вторая – в независимом издательстве в городе, и третья – в литературном студенческом журнале «Эмбит».

Джулиан рассказал, что устраивает писательские вечера и что она обязательно должна как-нибудь прийти.

– Когда ты вообще спишь? – поинтересовалась Сэм.

Он рассмеялся, но ей правда было интересно.

Сэм понравилось болтать с ним в библиотеке, но просьба дать свой номер застала ее врасплох.

– Как мило, ты ему нравишься, – прокомментировала это Изабелла.

– Но меня он не привлекает, – заявила Сэм. – У него волосы как мочалка. И взгляд бегаёт.

– Ну, ему никто не запрещал разглядывать других девушек, – возразила Изабелла. – Тебе же он не нравится, какое тебе тогда дело?

– Нет, взгляд у него бегаёт в буквальном смысле. Ну, туда-сюда.

– А.

Изабелла оказалась права. Она действительно понравилась Джулиану. Сэм пыталась ответить на его симпатию взаимностью. Они несколько раз поцеловались. Его язык казался слишком мокрым и большим для его рта. Сэм рассказала Изабелле, что он напомнил ей моллюска, пытающегося сбежать из своей раковины. С тех пор Изабелла называла Джулиана не иначе как Моллюск, и это Сэм одновременно забавляло и заставляло чувствовать себя виноватой.

Они сходили на ужин, в кино. Он был из тех парней, что должны бы ей понравиться, но нет. Чтобы отметить месяц их отношений, он написал ей поэму. Сэм это показалось пошлостью. Это был перебор. Когда Джулиан спросил, что она думает о стихах, она ответила, что они напомнили ей Элиота. Она сразу поняла, что Джулиан разочарован. Она предположила, что быть похожим ему хотелось только на себя.

Сэм сказала Джулиану, что ей нужно сосредоточиться на учебе. Какое-то время он посылал ей сообщения, напившись, и умолял ее передумать. Сэм ему не отвечала.

Каждый раз, видя его в библиотеке, она пряталась. Раньше она занималась на первом этаже, где залы были залиты светом. Теперь спускалась в подвальные помещения, зная, что он там никогда не бывает.

Изабелла плюхнулась на кровать.

Подруга настаивала, что хочет вернуться на вечеринку и поцеловаться с Рози Симмонс, которая напоминала молодого Ди Каприо в женском обличье.

– Позже, – вразумляла ее Сэм.

– Дisko-сон! – воскликнула Изабелла.

– А вот это отличная идея. Сними обувь, по крайней мере.

Она придвинула мусорное ведро поближе к кровати – на всякий случай.

Изабелла возилась с застежкой на джинсах.

– Ты выглядишь как четырнадцатилетний подросток, впервые пытающийся стащить с девушки штаны, – поддела ее Сэм. – Только вот штаны эти – твои собственные.

Изабелла застонала.

– Я слишком устала. Можешь ты это сделать, пожалуйста?

– Как же ты меня бесишь, – ответила Сэм, но вняла просьбе и стащила с подруги джинсы. – Пижама?

Изабелла покачала головой. Минуту спустя она отключилась, лежа на кровати в майке и трусах, прямо как в рекламе «Америкэн Аппарэл». Сэм взяла свое одеяло, лежавшее сложенным на кровати, и прикрыла Изабеллу, не столько заботясь о ее комфорте, сколько о том, чтобы Клайв не увидел ее невероятно узкие бедра, если вдруг она не успеет проснуться к тому моменту, как они вернутся.

Сэм взглянула в зеркало. Живот нещадно скрутило от волнения.

– Больше помады! – скомандовала Изабелла, не открывая глаз.

5

Минивэн заревел, как ракета, готовая к запуску.

Сэм вцепилась в руль. Она представила, как сломается на обочине дороги в своем коротком сарафане, который не подходил ни к этому часу, ни к времени года. Она надела его, потому что его любил Клайв.

Ее сердце колотилось, когда она ехала по темной дороге. Она представила, как он летит, готовясь в первый раз ступить на американскую землю. Шесть месяцев назад она не знала о его существовании, а теперь он был ее парнем.

В какой-то момент на втором курсе подруги Сэм заговорили о том, в какой стране планируют провести третий курс за границей, как будто это было делом решенным. Сэм никогда не рассматривала такую возможность. Лекси подала заявку на участие в студенческой программе в Бразилии. Рамона хотела поехать в Непал. Стипендия Шэннон покрывала все расходы на год в Париже.

– Поехали со мной, Сэм. Думаю, тебе дадут стипендию, – уговаривала ее Изабелла, которая уже выбрала Лондон и не нуждалась ни в какой финансовой помощи.

Сэм воодушевилась, посмотрела школы в Шотландии, Ирландии, Франции. Она пошла на презентацию зарубежных образовательных программ в департамент по международным связям и внимательно слушала, делая пометки. Когда женщина-спикер сказала: «Рассчитывайте, что вам придется потратить от десяти до пятнадцати тысяч сверх своих обычных школьных расходов в течение года», – Сэм закрыла блокнот. Ей стало ясно, что никуда она не поедет.

Ее родители посоветовали ей закончить государственную школу, как и они сами. К ее выпускному трое из их детей уже будут в колледже. Если Сэм захочет продолжить обучение, ей придется за него заплатить. По причинам, которые она не могла сформулировать ни тогда, ни даже сейчас, она хотела большего.

В конце концов ее брат с сестрой решили остаться поближе к дому и поступили в альма-матер их родителей. Брэндан все еще не определился, чем он хотел заниматься, Молли хотела быть учителем. Сэм опасалась, что по сравнению с ними ее сочтут выскочкой.

Она получила небольшую стипендию на обучение. Остальную сумму взяла в кредит на свое имя.

– Боюсь, ты еще слишком юна, чтобы понять, во что ввязываешься, – произнес ее отец, глядя, как она подписывает документы. – Прости. Хотел бы я, чтобы мы могли тебе помочь.

– Вы и так помогли достаточно, – ответила Сэм, и это было правдой. Она не хотела, чтобы папа думал иначе.

Только после начала учебы в колледже стало понятно, что ей следовало принять во внимание не только расходы на обучение, но и стоимость жизни рядом с людьми, которые многое могли себе позволить. Ее подруги могли легко пойти за суши, если им не нравилось то, что предлагали в столовой. Сэм к ним не присоединялась. По опыту она уже знала, что Лекси с Изабеллой закажут то, что хотят, не глядя на цену, и даже если она возьмет мисо-суп, самую дешевую позицию в меню, когда принесут счет, кто-то из них неизбежно предложит: «Почему бы нам просто не поделить на всех?»

Каникулы после второго курса напоминали любое другое лето. Сэм спала в своей детской с обоями с пуантовым принтом. По выходным она подрабатывала няней. По будням – где возьмут. Дольше всего она проработала на рекламное агентство «Флейшер Бун». Она должна была отвечать на телефонные звонки, произнося «Флейшер Бун» со всей официальностью, на которую была способна.

Как минимум четверть от всех звонков поступала от ее двенадцатилетней сестры, Кэйтлин, которая над ней издевалась. «Флейшер Бун!» – кричала Кэйтлин с преувеличенным

южным акцентом, прежде чем бросить трубку и позвонить снова. – «Флейшер Бун! Наша курочка – пальчики оближешь!»

Все свободное время тем летом Сэм проводила с Мэдди, своей лучшей подругой со времен старшей школы, которая училась на врача в Клемсоне. Они гуляли по улицам родного города, забыв про волнения в год перед поступлением. Словно были отстраненными наблюдателями. Гостями из другой страны.

В июле Мэдди увидела объявление о том, что «Глоуб» набирает официантов, предлагая двадцать долларов в час. Подруги вместе пошли на тренинг. Его проводили две пятидесятилетние, одинаково одетые сестры-близняшки. Они учили, как обслуживать посетителей в разных стилях – и как правильно подавать и разливать шампанское.

Дома отец дразнил ее, когда она накрывала на стол: «Не так, Сэм. Сегодня у нас торжественный ужин».

В августе подруги Сэм разъехались за границу на свои студенческие программы. Она следила за их жизнью по фотографиям в соцсетях – потрясающая архитектура, еда, селфи с новыми знакомыми. Но до конца не осознавала, что они и правда уехали, пока не вернулась в кампус. Там она ощутила себя более одинокой, чем обычно.

Конечно, в колледже остались знакомые, которые нравились ей достаточно для того, чтобы перекинуться с ними парой слов или иногда сходить вместе в кино. Но в целом учеба многое для нее значила, пока рядом были ее друзья.

Сэм жила в комнате с девушкой, которая не поехала за границу, чтобы играть в футбол за университетскую сборную. Она едва с ней пересекалась. Соседка уходила рано утром, пока Сэм еще спала, и возвращалась полночь, поев в столовой, которая была открыта допоздна для спортсменов. Сэм так скучала по Изабелле, что иногда, сидя в пустой комнате, представляла, что та сейчас откроет дверь.

– Одиночество даст тебе больше времени на творчество, – сказала ей мама, и так и оказалось.

Сэм часами сидела в студии. Иногда она приходила по вечерам в субботу, зная, что будет там одна. Но она в любой момент променяла бы все это на Изабеллу.

В тот год Сэм много подрабатывала няней. Она отработала в столовой в два раза больше смен, чем за все предыдущие два года учебы. Готовила еду, мыла грязную посуду, выносила ведра с помоями в сад за конюшнями, где содержались лошади, которых многие девушки забрали с собой из дома.

Ей всегда нравились Мария и Делми, женщины из Сальвадора, которые работали на кухне. Если бы не их уже ставшие родными лица, Сэм не знала, как бы пережила тот одинокий год без друзей.

Они обе работали на колледж дольше, чем Сэм жила на этом свете. Ей нравилось думать, что кухня была не школьной, а принадлежала Марии.

У Делми не было отбоя от друзей, которые трудились в общежитиях по соседству, которые приходили в течение дня перешепнуться с ней по-испански. Делми работала много и усердно, но всегда была рада остановиться и поболтать. Однажды Сэм наткнулась на нее на кухне – она была одна и тихонько напевала песню Бон Джови в телефон, пытаясь выиграть билеты на концерт в эфире местной радиостанции.

В отличие от Делми, Мария любила покомандовать. Любой посторонний человек – курьер, нагруженный коробками, сотрудник другого общежития – инстинктивно обращались именно к ней по любым вопросам. Мария была маленькой и энергичной и производила впечатление сжавшейся пружины. У нее было приятное лицо, блестящие каштановые волосы и накаченные бицепсы. Она всегда выкладывалась по полной. В кладовой царил идеальный порядок, а карточки с рецептами хранились по алфавиту. Она знала имена новых студентов уже в сентябре.

Мама Сэм любила выделять людей, особенно хорошо выполнявших свою работу. Официантов, врачей, работников службы поддержки.

– Неважно, что это за работа, – часто повторяла она детям. – Важно, насколько хорошо вы ее делаете. Я постоянно наблюдаю это в больнице. Санитар или хирург – некоторые люди просто делают все возможное. И жизнь вокруг них становится лучше.

Сэм однажды, стесняясь, рассказала об этом Марии, добавив, что она как раз такой человек.

Из всех студентов, на кухне, Сэм всегда была любимицей Марии. Когда она начала там работать на первом курсе и плакала от тоски по дому, Мария обнимала ее, угощала печеньем и веселила. Так же она вела себя и тогда, когда на втором курсе у Сэм умерла бабушка. Она попросила Сэм принести с похорон розу и сделала из ее высушенных лепестков бусины для розария. Когда Сэм каким-то чудом сдала экзамен по математике, Мария испекла для нее чизкейк.

В начале третьего курса, когда Мария представила ее новой сотруднице кухни, та оглядела Сэм с ног до головы и произнесла:

– А я тебя знаю. Ты любимица тетушки Марии.

– Сэм, познакомься с Габриэлой, моей очаровательной племянницей, – закатила глаза Мария.

Габриэла была очень похожа на свою тетку, только ростом была повыше. У нее был проколот нос. Сэм вскоре узнала, что ей двадцать три и что у нее есть ребенок, Джозефин, пухлая годовалая девчонка, чью фотографию Мария держала приколотой рядом с меню на неделю.

Фотография должна была служить напоминанием для Габриэлы. Мария постоянно твердила ей следить за языком и делать глубокий вдох прежде, чем она собиралась что-то сказать.

Все студенты, работающие на кухне, ее побаивались. Сэм поначалу тоже. Габриэла не скрывала, что ее раздражает глупость местных девиц, живущих как неряхи, рассчитывающих, что кто-то другой придет и уберет за ними.

Каждый день во время обеда и ужина Габриэла аккуратно заполняла металлические контейнеры на шведском столе: она раскладывала зелень, нарезанные огурцы, помидоры, редис, морковь, гренки, заправки к салатам. Через десять минут все переворачивалось вверх дном. Габриэла выходила из кухни, нахмурившись, и вновь все раскладывала по местам, чтобы никто потом не пожаловался, что в твороге нашел кусок тунца или жирный майонез в легкой салатной заправке. Все повторялось вновь с каждой следующей волной студентов. Сизиф тащил камень в гору только для того, чтобы увидеть, как он скатывается вниз.

Сэм прекрасно понимала ее чувства.

Когда студентка последнего курса из Коннектикута, налив из автомата диетическую колу, оставила после себя огромную лужу, и Габриэла спросила в пустоту: «А задницы себе эти девицы подтирают сами или кому-то платят?» – Сэм молча порадовалась ее комментарию.

Когда девушка, которая недавно перевелась из другого колледжа, попросила Габриэлу в довольно грубой форме принести ей соль, та ответила: «У тебя в этих штанах для йоги вообще-то есть ноги, сама сходи», – Сэм не могла удержаться от смеха. Габриэла взглянула на нее, как будто впервые увидев. Сэм улыбнулась.

– Я неправа? – спросила Габриэла, когда они возвращались на кухню.

– Нет, – ответила Сэм. – Ты говоришь вслух то, о чем я только думаю. Габриэла, ты мой герой.

– Можешь звать меня Габи, – только и сказала она.

Услышав это, Делми и Мария изумленно переглянулись и рассмеялись сами над собой.

– Что? – не поняла их реакцию Габи.

С тех пор они с Сэм болтали и смеялись на сменах. Мария призывала их вернуться к работе, но всегда говорила это, улыбаясь. Ей нравилось, что девушки подружились.

– Сэм хорошая, – однажды сказала она племяннице.
Эти слова наполнили Сэм гордостью.

Конечно, Габи не могла заменить ей подруг. Им не так-то просто было сойтись ближе: им нравилась разная музыка, у них было мало общего. Габи была занята – несколько вечеров в неделю она подрабатывала на кухне в ресторане рядом с домом, а когда не работала, то торопилась к дочери. Но по пятницам после смены они часто прогуливались вместе в центр, чтобы внести на счет зарплатные чеки. Они разглядывали витрины магазинов, пили кофе и болтали. Было приятно вот так проводить с кем-то время.

Габи говорила, что думала, и, похоже, ее не очень волновало, как на это реагируют люди. Сэм находила эту ее черту и слегка пугающей, и совершенно очаровательной одновременно. В то же время она чувствовала в ней какую-то грусть, о которой Габи напрямую не говорила, но она прорывалась наружу, когда девушка, например, упомянула, что ее друзья почти перестали с ней общаться, когда у нее появился ребенок. И когда рассказала Сэм, что не пошла в колледж сразу после школы, не видела в этом смысла. Она работала в магазинах, работала в ресторанах. К двадцати, когда большинство уже почти доучились, Габи только поступила на бухгалтера, как ее мама. Днем она работала, вечером училась. Но три семестра спустя она забеременела, и учебе пришел конец. Чем-то нужно было пожертвовать.

Габи отчаянно любила свою дочь. Ее мать была контрол-фриком, с ней непросто было ужиться, но Габи была ей благодарна за то, что она их приютила и так помогала с малышкой, как и ее кузен, который сидел с Джози, пока ее мама работала.

Габи рассказывала Сэм о жизни работников кухни, о которой та даже не догадывалась. Она рассказала, что Тине, женщине, которая внезапно уволилась в середине первого курса Сэм, было всего сорок пять, хоть и выглядела она на шестьдесят, что она была замужем четыре раза и что получила опеку над тремя внуками, потому что ее дочь была наркоманкой. Рассказала, что у мужа Делми была интрижка с какой-то женщиной из их церкви, и что Делми его вроде бы простила, но теперь косо смотрит на любую от шестнадцати до девяноста, кто хоть раз на него взглянет.

Паузы в разговорах Сэм и Габи заполняли, высмеивая студенток колледжа. Если в этом и было что-то неприятное, то Сэм закрывала на это глаза. Конечно, она была одной из них. Но если бы Габи воспринимала ее как всех остальных, она бы никогда их с ней не обсуждала.

Как-то раз, когда они раскладывали салат по тарелкам, Сэм рассказала Габи, как Лекси просила ее отложить для нее самые популярные блюда, когда она опаздывала на обед, хотя в то время сама Сэм не видела в этой просьбе ничего необычного. Она рассказала, как однажды Изабелла, встав из-за стола, передала ей свою грязную тарелку со словами: «Ты же все равно идешь на кухню, захватишь?»

– Я бы ей врезала, – сказала Габи.

Сэм вступилась за Изабеллу, рассказав, что та выросла с матерью, которая никогда не работала, зато на них трудились повар, няня и горничная.

– Ее просто избаловали до крайности, – заметила Сэм. – До того, как поступить в колледж, она никогда не стирала белье. Мне пришлось ее научить.

– Это место просто смешотворно, – заявила Габи. – Ты видела этот дерьмовый баннер, который они вывесили на воротах? «Celebrate Diversity»? Я смеялась в голос.

В каком-то смысле, подумала Сэм, у них в колледже и правда царило разнообразие.

Жизнь здесь стала для нее откровением – трансмужчины, лесбиянки с бритыми головами, в ее художественной студии занималась девушка, которая на первом же занятии подняла руку и уверенно сказала: «Пожалуйста, обращаясь ко мне, используйте местоимение «они», а не «она».

В колледже было много и иностранных студентов.

Сэм хотела было сказать: «Моя подруга Шэннон – черная, Лекси – кореянка, а Роза – с Филиппин. Ее отец дипломат», но она чувствовала, что каким-то образом эти примеры только подтвердят правоту Габи.

Вместо этого она рассказала Габи, что Шэннон поступила по элитной квоте для афроамериканских учеников, и хотя это было почетно, Шэннон говорила, что иногда чувствует себя неким символом равноправия. Ее пригласили принять участие в выпуске прошлогодней брошюры, рекламирующей колледж. Когда Сэм ее поздравила, Шэннон просто посмотрела на нее и ответила: «Да уж, интересно, почему они выбрали меня».

Колледж прославлял расовое и гендерное многообразие, но никто никогда не упоминал женщин, в основном цветных женщин, которые готовили еду и создавала уют в этом заведении, чтобы студенты могли расти, учиться и преуспевать. Хозяйственный персонал был почти полностью черным, в то время как черные студенты составляли не больше четырех процентов от общего количества учащихся. На парах они изучали историческое неравенство, читали о расовой и экономической несправедливости, но в жизни предполагалось, что неприятную правду они будут игнорировать и жить с ней.

Как-то раз в ноябре Габи пригласила Сэм на вечеринку за пределами кампуса. Для Сэм это был первый раз, когда она побывала в доме кого-то, с кем не была связана учебной в колледже или работой няни. Дом представлял собой маленькое ранчо на тупиковой улице. Перед ним уже стояли припаркованными с дюжину машин.

Они танцевали и много пили. Сэм флиртовала с очень красивым пожарным по имени Тревор, знакомым Габи со школы. В конце ночи даже поцеловалась с кем-то, кого приняла за Тревова, пока Габи не сказала ей, что парень ушел полчаса назад.

– Кто же это тогда был? – спросила Сэм, указывая на того, чей язык побывал у нее во рту пару мгновений назад.

Габи пожала плечами и рассмеялась, покачав головой.

На Рождество Сэм уехала домой и на протяжении всех каникул боялась возвращения в школу. Зимы в этой части света были особенно мрачными. Особенно без Изабеллы, которая варила им рамен, без горячего шоколада Лекси с корицей и ромом. Казалось, что она просто живет в ожидании возвращения друзей.

В ней начало подниматься негодование. Почему всем остальным было так легко уехать?

В конце января Изабелла сказала Сэм в скайпе:

– Родители сказали, что на свой день рождения я могу получить билет в любую точку мира.

– Как здорово, – ответила Сэм, понадеявшись, что на лице не отразились ее настоящие чувства. Было бы лучше, если Изабелла написала ей об этом в сообщении.

– Я выбрала Лондон, – продолжала Изабелла.

– Ты уже в Лондоне.

– Знаю. Это для тебя.

– Что? Не может быть, – произнесла Сэм. – Это слишком.

– Ты приедешь на десять дней, на весенних каникулах. Как раз на мой день рождения. Остановишься у меня.

Мама Сэм посоветовала ей принять приглашение.

– Ты такая несчастная последнее время.

– Никакая я не несчастная, – возразила она.

Но тот факт, что Сэм получила разрешение матери, которая учила ее никогда не оказываться в долгу, особенно перед друзьями, был тем толчком, в котором она нуждалась.

В самолете Сэм ради интереса заказала джин с тоником. Стюардесса принесла ей бокал, не моргнув глазом. После этого она попросила еще два. Потом посмотрела романтическую

комедию и разглядывала в иллюминаторе облака, поклявшись, что никогда не станет человеком, которого хоть когда-то это все перестанет изумлять.

Изабелла встретила ее в Хитроу на машине с водителем. У нее появился легкий британский акцент и британские словечки в разговоре.

Следующие два дня Изабелла показывала ей Лондон. За свою жизнь она бывала здесь так часто, что носильщики в «Фор Сизонс» знали ее по имени. Они пили чай в Браунсе. После поехали посмотреть на Букингемский дворец и были уверены, что видели Кейт Миддлтон, поднимающуюся по лестнице, хотя и знали, что вряд ли это была она. Девушки глазели в «Хэрсродс» на одежду, которую ни одна из них никогда бы не надела. Они купили джинсы в «Топ Шопе». Выпили шампанского в дорожном баре. Изабелла достала свою карту Америкэн Экспресс раньше, чем принесли счет.

На день рождения Изабеллы на вечеринку приехала Шэннон из Парижа. Она выглядела постройневшей. Все потому, что ее колледж платил всем студентам небольшую стипендию на питание, но она обычно пропускала обеды, чтобы скопить на очки «Шанель». Шэннон теперь казалась более озабоченной модой, чем помнила Сэм. В колледже в Америке она ходила на пары в старых спортивных штанах. Сейчас на ней красовались обтягивающие черные джинсы и туфли от какого-то дизайнера, которого Изабелла сразу узнала.

Подруги пили шампанское, которое заказал отец Изабеллы, пока они с ее матерью собирались в номере на вечеринку по случаю ее дня рождения. Девушки ужинали с новым парнем Изабеллы, Тоби, который на год уехал учиться в Лондон из Джорджтауна.

– Все довольно серьезно, ребят, – прошептала Изабелла, когда он отошел в уборную. – У нас один аккаунт в Netflix на двоих.

Шэннон поймала взгляд Сэм и, изумленная, покачала головой.

Вечеринка проходила в баре «Зу» в центре Лестер-сквер. На праздновании дня рождения Изабеллы собралось не меньше сотни человек. Сэм не понимала, как она с августа успела завести столько знакомых.

Подруга тащила ее за руку и всем сообщала: «Сэм – мой подарок на день рождения!»

Изабелла заказала каждой из них коктейль «ДТВ». Когда Сэм спросила, что в нем, Изабелла была потрясена ее невежеством.

– Джин, текила и водка, – ответила она.

– Боже, – только и смогла вымолвить Сэм.

Она выпила половину, а потом сказала Изабелле, что ей нужно в туалет.

– Я пойду с тобой! – воскликнула подруга.

– Не надо, – отказалась Сэм, – я скоро вернусь.

Как бы она ни была рада ее видеть, Сэм успела забыть, насколько энергозатратным может быть общение с Изабеллой.

В уборную выстроилась очередь из тридцати женщин. Сэм вспомнила, что через дорогу видела Макдональдс. Она вышла из бара, никому ничего не сказав, и направилась напрямик туда.

На обратном пути она разглядывала богато украшенные здания и гадала, сколько им лет. Это была ее первая поездка за границу, первое путешествие в одиночестве, без семьи. Сэм чувствовала радостное оживление, которое не испытывала уже несколько месяцев.

Потерявшись в мыслях, она не заметила, как врезалась во что-то твердое. Мужчина.

– Джек Потрошитель? – спросил он.

– Простите?

Сэм подняла голову. Он был высокий и выглядел очень по-британски, с кривой ухмылкой и всклокоченными волосами. Точно старше нее, хотя она и затруднялась определить его возраст – лет двадцать пять, может?

– Ты пришла на экскурсию по местам Джека Потрошителя на десять вечера?

– Нет, – ответила она, – я иду вон в тот бар.

– А, должно быть, тогда это прозвучало странно. На каникулах?

– Да.

Он протянул ей брошюру.

– Лучшие пешеходные экскурсии в городе, – сказал он. – Это не моя характеристика. Так говорит журнал «Таймс Аут».

– Спасибо, – поблагодарила Сэм. Она просмотрела туры. – О, «Блиц: Лондон становится багровым».

Он рассмеялся.

– Никогда не слышал, чтобы хоть кто-то выбирал эту экскурсию. Ты разве не увидела тур по местам Гарри Поттера? Или тур «Аббатство Даунтон», где мы проведем вас в офис леди Эдит и вы сможете понажимать на клавиши на ее печатной машинки?

– Я странная, – пожала плечами Сэм.

– Это точно, – согласился он. – Кстати, я Клайв.

– Сэм.

Она пыталась понять, не заигрывает ли он с ней. Настолько симпатичные парни обычно с ней не флиртовали. Возможно, уровень привлекательности за границей как-то увеличивался, подобно тому, как фунт был не равен доллару и стоил в полтора раза дороже.

– Похоже, на Потрошителя никто не собирается, – сказал он. – В любом случае я должен вернуться сюда через час на экскурсию «Призраки викторианского Лондона». Хочешь прогуляться за пятьдесят девять минут?

Итак, он точно флиртовал.

Сэм была не настолько пьяна, чтобы не задаться вопросом, не слишком ли это странный выбор – пойти на прогулку с незнакомцем вместо того, чтобы вернуться на вечеринку к друзьям. Но парень казался таким милым. Из этого вышла бы отличная история. И ей ужасно понравилась идея провести в Лондоне час, который бы не распланировала Изабелла, который был бы только ее.

Клайв обращал ее внимание на достопримечательности, мимо которых они проходили, как будто ничего не мог с собой поделаться.

– Собор Святого Павла, – говорил он. – Спроектирован сэром Кристофером Рэном в 1675 году.

– Сити-холл, где новобрачных ежедневно осыпают рисом в два часа дня.

– Ты же знаешь, что я тебе не плачу, да? – поддразнила его Сэм.

Он показал ей театр «Глобус». Корабль, пришвартованный в Темзе, точную копию того, на котором сэр Фрэнсис Дрейк плавал вокруг света четыре века назад. Он провел ее по узким улочкам, которые, по его словам, вдохновили Диккенса.

– Откуда ты все это знаешь? – не выдержала она.

– У меня хорошая память на факты, – отозвался он. – А если я что-то не могу вспомнить, то просто выдумываю.

Она улыбнулась, пытаясь понять, серьезно ли он говорил.

– Нет, не верю, – сказала она. – Ты изучал в колледже историю?

– Колледж – это для людей, которым нужно, чтобы им говорили, что и как думать. Я занимаюсь самообразованием.

Сэм почувствовала вспышку разочарования и тут же сказала себе, что это смешно. Она не собиралась выходить замуж за экскурсовода, первыми словами которого были «Джек Потрошитель». Ей хотелось просто насладиться прогулкой.

– Я проучился в университете полгода, – рассказал он. – Но одному из моих профессоров однажды не понравилось сказанное мной в классе. Не понравилось, что я бросил ему вызов. Он приказал мне замолчать. Так что я ушел и больше не вернулся.

Гордость, с которой он об этом поведал, ясно свидетельствовала, что Клайв чувствовал, будто одолел того парня, хотя разве он просто не лишил себя образования?

Он привел ее в крошечный паб, где знал бармена.

Клайв заказал себе пинту и полпинты для нее. Сэм не знала, что с ней делать. Они сели за столик в углу. Под курткой на нем оказалась приталенная красная футболка. Его руки оказались более мускулистыми, чем ей показалось поначалу.

Он рассказал, что вырос в маленьком городке в трех часах езды к северу и несколько лет прожил в Испании. Когда потерял там офисную работу, то вернулся в Англию.

Они начали обсуждать свои любимые романы. Когда Сэм призналась, что никогда не читала Йэна Макьюэна, он вытащил из рюкзака книгу и протянул ей.

– Его последний роман, – сказал Клайв.

– Ты уже дочитал?

– Неважно. Тебе он нужнее.

Книга была обернута в пластиковую обложку.

– Библиотечная? – спросила она. – Но что если мы больше никогда не увидимся? Тебе влепят штраф.

– Мне нравится балансировать на грани, – отозвался он.

Клайв наклонился и поцеловал ее. Сэм почувствовала, как тело пронзил электрический разряд. После того как он отстранился, ей показалось, что она только что вышла с занятия по йоге и выпила полбутылки белого вина на пляже. Она чувствовала себя умиротворенной и покоренной. Ее никогда в жизни так не целовали.

– Ого, – только и произнесла она.

Клайв рассмеялся.

Когда им пора было расходиться, Сэм искренне расстроилась. Она подумала о том, чтобы присоединиться к его следующей экскурсии, но, словно желая выбить из нее эту ужасную идею, Изабелла написала: «Ты гдееееее?»

– Приятно было пропустить с тобой по бокалу, – сказал Клайв. – Жаль, что ты здесь всего на неделю.

– На десять дней, – поправила Сэм.

Она спросила, есть ли у него ручка, и написала свой номер телефона на обратной стороне одной из его брошюр.

Сэм сунула ее в карман его куртки.

Изабелла была в восторге, когда Сэм рассказала ей о случившемся. Она требовала мельчайших подробностей.

– Мне нравится, что это произошло в мой день рождения, – произнесла она. – Так он красавчик?

– О да.

– Акцент хороший? Пламми¹?

– Понятия не имею, – отозвалась Сэм.

– Чем он занимается?

– Проводит пешеходные экскурсии.

– Это я поняла, а еще? Как он собирается развивать этот бизнес?

– Никак, думаю.

Сэм вспомнила, как Клайв сказал, что предпочитает устраивать ночные экскурсии, чтобы спать до полудня.

¹ Пламми – неформальное название британского акцента, свойственного представителям высшего общества.

– Ну, может, он комик или актер, и проводит туры, чтобы заплатить по счетам, – продолжала Изабелла. – Или, может, хочет написать об этом книгу. А может, он управляет компанией. Он управляет компанией?

– Нет, у его друга свое дело. Клайв сказал, он планирует сделать приложение для пешеходных экскурсий по всем большим европейским городам.

– Звучит круто. Проект друга, я имею в виду, – ответила Изабелла.

Прошло сорок восемь часов, он так и не позвонил.

Каждый раз, когда Сэм вспоминала, как дала ему свой номер, ей хотелось умереть. Она прокручивала в голове их разговор. «Приятно было с тобой выпить», – сказал он. Что означало, конечно, «Прощай навсегда». Он не спрашивал ее номер телефона и не давал свой.

Но еще ведь был Йен Макьюэн.

Может, он просто видел, что Сэм была из тех людей, которые не могут оставить себе библиотечную книгу, не вернув ее.

Когда Клайв наконец позвонил, то сказал:

– Я искал мелочь на автобусный билет, а нашел твой номер.

– Это ты так пытаешься сказать, что не можешь перестать обо мне думать? – поддела его Сэм.

Он рассмеялся.

Они немного поболтали, пока Клайв не попрощался внезапно, сказав, что ему нужно идти. Он никуда ее не позвал.

Сэм не говорила Изабелле, что после того, как он положил трубку, она, опустошенная, написала ему: «У меня все еще твоя книга».

Через несколько часов он ответил: «Поедим завтра?»

– Заставь его понервничать, – посоветовала Изабелла. – Выжди пару дней.

Сэм держалась изо всех сил. Через семнадцать минут она приняла приглашение.

Она пришла в ресторан рано, одетая в черный топ и новые джинсы, в которых, по словам Изабеллы, ее задница выглядела потрясающе.

Клайв ждал ее снаружи, читая книгу в мягком переплете. Он был в той же рубашке, что и в ночь их знакомства.

Он поцеловал ее в знак приветствия и повел внутрь, по коридору в комнату с низким потолком, набитую людьми.

Они сели за столик. Не предложив ей выбрать, он заказал бутылку вина и несколько блюд.

Он рассказал ей о великих писателях, ужинавших когда-то в этих стенах, – о Диккенсе, Твене и Дж. К. Честертоне.

Когда Сэм призналась, что никогда не слышала фамилию последнего, Клайв только покачал головой.

– Чему вас там учат в этой Америке?

Позже Клайв заказал десерт «Пятнистый член», приподняв на нее бровь, как будто это она придумала название.

Когда принесли счет, он спросил:

– У вас в Америке принято делить счет?

Ее охватило неприятное ощущение.

Думала ли она сейчас как сексистка? Почему ее должно беспокоить то, что он не предложил заплатить? Но если бы она знала заранее, то предложила бы место подешевле. Сэм достала карту, решая, какую статью бюджета придется урезать.

Клайв присел рядом с ней, подвинувшись ближе, пока их ноги не соприкоснулись. Гормоны одержали верх над ее разумом. Сэм хотелось запрыгнуть на него. Как-то слиться с ним.

- Вопрос вот какой, – начал он, – сколько тебе лет?
- А ты бы мне сколько дал?
- Двадцать шесть? – в его голосе послышались одновременно надежда и сомнение.
- А тебе сколько? – спросила Сэм.
- Тридцать два.

Сэм была ошеломлена. Она не могла встречаться с тридцатидвухлетним парнем. Он был ровесником младшей из ее тетей.

– Мне двадцать.

– Господи, – удивился он. – Честно говоря, я не решался пригласить тебя на свидание, потому что у меня было ощущение, что ты юна. Но не настолько же.

– Что же нам теперь делать? – спросила она.

– Разумнее всего было бы расстаться друзьями, – ответил он.

Той же ночью они занялись любовью. Утром, пока он спал, девушка разглядывала его. Возможно, он был самым красивым мужчиной, с которым она когда-либо была близка. Он очень нравился Сэм до секса, но теперь она чувствовала себя зависимой от него. Ее мучил вопрос, не ощущала ли себя так каждая женщина после ночи любви.

До Клайва у нее было только с двумя парнями. Она потеряла девственность со своим школьным бойфрендом Сандживом после долгих размышлений, тщательно рассмотрев его кандидатуру. Они разъехались по колледжам, все еще встречаясь, но уже в октябре, на первом курсе, Санджив ее бросил. Сэм, в отместку, напилась и отправилась в постель с каким-то незнакомцем, которого подцепила на вечеринке, просто чтобы наказать Санджива, которому было бы наплевать, даже если бы он об этом узнал, но все-таки.

Секс с Клайвом был совершенно другим. Он знал, что делать. Его уверенность опьяняла.

Сэм выбралась из постели, чтобы воспользоваться ванной, и на цыпочках прошла по квартире. В гостиной повсюду лежали книги – громоздились стопками на каминной полке, на полу, занимали каждый сантиметр кофейного столика. Она посмотрела на корешки. Имена авторов были ей знакомы, но сами романы девушка не читала. Борхес. Пинчон. Кафка. Эмис.

Сэм присела на диван, представляя, что живет здесь.

Потом вернулась в кровать.

– Ты для меня слишком стар, – поприветствовала она Клайва, едва тот разлепил глаза.

– Я?

– Не могу себе представить, что встречаюсь с кем-то за тридцать.

– Хорошая новость заключается в том, что именно с кем-то за тридцать ты и собираешься встречаться, – заявил он. – Ну а если нет, то я смогу тебя убедить.

– Каким же образом?

– Ты явно взрослее своих лет. Скажем, я немного инфантилен, так что мы встретимся где-то посередине. Что-нибудь в этом роде.

– Звучит как рецепт катастрофы, – сказала она.

До ее отъезда каждую ночь они проводили вместе.

Весь оставшийся второй курс они созванивались в скайпе как минимум трижды в день. Они забирались в постель с ноутбуками и так и засыпали. После того, как Клайв проваливался в сон, Сэм еще занималась. Она смотрела на него спящего и чувствовала такую тоску, какую не испытывала никогда прежде. По утрам она приходила работать на кухню, и Габи, оглядывая с усмешкой ее всклокоченный вид, говорила: «О, да ты попала».

Когда Клайв, этот мужчина, которого она видела пять раз за жизнь, сказал Сэм, что любит ее, ей показалось естественным ответить: «Я тебя тоже». Когда он предложил ей приехать к нему на лето, Сэм знала, что поедет, даже когда говорила:

– Я никак не могу.

– Почему нет? – допытывался он. – Моего соседа не будет до конца июля.

– Я не смогу работать, – приводила она аргументы.

– Мы тебе что-нибудь найдем, – уговаривал он. – Просто скажи «да». Это будет потрясающе.

С самого детства Сэм была очень рассудительной. Ко всему относилась ответственно, опасаясь, что иной подход испортит ей жизнь. Но сейчас речь шла не о ее жизни. Только об одном лете.

Ее мать была в ярости. Сэм понимала, что за гневом скрывается страх.

– Если ты уедешь, ты уже не вернешься, – протестовала она. – Сначала тебе нужно закончить колледж.

– Я вернусь, – успокаивала ее Сэм.

– Мы даже не знаем, кто он такой, – упиралась мать. – И ты собираешься жить с ним?

Сэм стало ее жалко. Три года назад во власти ее родителей было запретить ей приводить Санджива в спальню и закрывать дверь или идти на вечеринку, пока они не поговорят с семьей приглашающего. Теперь Сэм сама решала, может ли она пересечь океан, чтобы жить с парнем.

– Мы не будем жить прям вместе. Его соседа по комнате не будет, и это квартира с двумя спальнями, так что...

Она не договорила, позволяя матери самой додумать окончание фразы.

Клайв снимал первый этаж дома в Уолтемстоу со старым другом по имени Йен, чей акцент Сэм разбирала только примерно в сорока процентах случаев. В первый месяц пребывания Сэм Йен жил на Ибице. Пока его не было они дурачились, готовили и танцевали на кухне; ходили по дому голыми; читали колонки «Гардиан», валяясь на диване.

Он показал ей свои любимые британские комедии: Peep Show, Spaced и The Inbetweeners. Когда Клайв ее обнимал, его подбородок идеально ложился ей на макушку.

За домом был небольшой сад. Предыдущий жилец посадил там тимьян и орегано. Сэм поливала их и срезала в салат, чувствуя себя более взрослой, чем когда-либо прежде. Она задавалась вопросом, может ли человек, уже живущий одной жизнью, просто переехать в новое место и начать там другую. Как-то раз в дверь позвонила соседка. «Я нашла этот журнал у себя в почтовом ящике, но, думаю, это вашего мужа», – сказала она.

Сэм была поражена. Женщина, ясное дело, видела их вместе и решила, что они женаты. Год назад соседка по дому приняла Сэм за ее сестру Кейтлин, которой в то время исполнилось двенадцать.

Было невозможно отделить ее чувства к Клайву от чувств к самому городу. Сэм была влюблена в обоих. Уолтемстоу был так далек от Лондона Изабеллы, насколько это только возможно. Впервые Сэм почувствовала, что принадлежит к тому месту, о существовании которого ее подруга даже не подозревала, а не наоборот.

На главной улице находился рынок под открытым небом, ряды палаток ломились от фруктов и овощей, платьев и сумок, банок с орехами и специями размером с барабан. В пределах одного квартала она видела женщин в бурках, женщин в сари, женщин в рваных джинсах – всех сразу. Она могла остановиться и услышать, как говорят на полдюжине языков одновременно.

Выполнение повседневных задач в чужой стране казалось достижением. Маленькими победами было сесть на нужный поезд или запомнить непривычные названия в продуктовом магазине.

Сэм ходила во все музеи и трепетала перед городом, чувствовала себя младенцем, открывающим для себя мир. Иногда она ходила на экскурсии Клайва и притворялась кокетливой незнакомкой.

Сэм фотографировала Лондон, а затем, оставшись одна дома, рисовала по фото открытки. Она никогда не была одной из тех художников, которые могут поставить мольберт на улице и писать, пока незнакомцы заглядывают через плечо.

Девушка нарисовала старую церковь в Хэмпстеде, заколоченную, почерневшую от грязи и времени, со ржавыми неподвижными стрелками часов на фасаде. Изобразила бездомных, спящих под навесом, их набитые красные челночные сумки, выстроившиеся в одну линию. Она изобразила настоящую англичанку в шубе и шляпе, выгуливающую бигля с сорванным цветком в пасти. И нарисовала витрину шоколадной лавки и двухэтажные автобусы на Оксфорд-стрит.

Все открытки она отправила домой родителям.

Через три недели после приезда Сэм друг Клайва нашел ей подработку в юридическом бюро в Ковент-Гардене. Она должна была подменить чью-то заболевшую секретаршу. Замена нужна была всего лишь на день, но друг Клайва сказал, что если Сэм справится, это может привести к чему-то большему.

Весь день она сидела за столом простудившейся женщины, рассматривала фотографии ее детей в рамках и отвечала на звонки.

Офис Сейнт Джона Фостера. Нет, извините, его нет.

Офис Сейнт Джона Фостера. Могу я узнать ваше имя и номер телефона?

Парень за соседним столом дождался обеда, вскинул голову и заявил:

– К твоему сведению, это произносится как «Синджин».

Сэм рассказала об этом Клайву, когда вернулась домой. Они оба, вспоминая «Синджина», весь вечер заходились хохотом.

Еще один знакомый Клайва устроил Сэм интервью в агентстве по подбору нянь.

Она заполнила длинное заявление, отрицательно ответив на вопросы вроде «Трясли ли вы когда-нибудь ребенка от отчаяния?», «Нравится ли вам огонь?».

Собеседовавшая ее женщина рассказала о семье неподалеку. Они приехали из Торонто из-за работы отца, в Англии им оставалось пробыть еще два месяца. У них были полугодовалые мальчики-близнецы. Мать со дня на день должна была родить третьего, а их предыдущая няня уволилась без предупреждения.

– Мама там немного... сложная женщина, – сказала интервьюер.

У нее были кудрявые крашенные волосы цвета баклажана, и прямо во время разговора она ела чипсы со вкусом креветок, что Сэм находила отталкивающим.

– Позвольте мне перефразировать. Мама потрясена. Сможете ли вы встретиться с ними завтра?

Сэм ответила, что сможет.

* * *

Близнецы спрятались за матерью, когда она открыла Сэм дверь следующим утром.

– Эллисон, – представилась женщина, протягивая руку.

Сэм пожалала ее, попутно останавливаясь взглядом на коврах. Интересно, как Эллисон удавалось сохранить их такими белоснежными?

Они прошли в гостиную, полностью обставленную белой мебелью.

Уже через несколько минут Сэм оказалась на полу с обоими мальчиками, играя с ними в кубики. Эллисон наблюдала за ними, сидя в кресле. Ее живот был таким идеально круглым, а сама она такой стройной, что казалось, будто в любой момент залезет под рубашку и вытащит оттуда баскетбольный мяч.

– В Канаде я руководила отделом из пятидесяти человек, – сказала она. – И тем не менее, я не могу справиться с этими двумя в одиночку.

Сэм ответила ей сочувственным взглядом и подумала, зачем же тогда было заводить третьего ребенка.

– У них трудный возраст, – поддержала разговор она. Сэм заметила, что матери говорят так о любом возрасте.

– Спасибо за поддержку, – поблагодарила Эллисон. – Иногда я чувствую, что схожу с ума. Я не то чтобы от природы хорошо лажу с детьми. Вот ты, например – строишь с ними башню из кубиков. Мне бы это никогда в голову не пришло. Ну что ж, ты будешь заниматься, главным образом, близнецами. С новорожденным большую часть времени я буду проводить сама. Я не даю им сахара, кроме фруктов. И предпочитаю, чтобы они не пачкались снаружи, потому что...

– Потому что здесь все белое, – закончила Сэм таким тоном, будто считала, что это было самой разумной вещью на свете.

– Совершенно верно, – сказала Эллисон с облегчением. Сэм раздумывала, хочет ли она вообще эту работу, когда Эллисон продолжила:

– Что касается заработной платы... – и назвала сумму, которая была почти вдвое больше той, что Сэм получила прошлым летом.

Работа организовывала ее день. Заставляла Сэм почувствовать, будто она и правда живет в Лондоне, а не просто приехала на лето. Каждое утро, открывая дверь, девушка видела на кухне близнецов, сидящих на своих высоких стульчиках в ожидании завтрака. Малыши всегда ели одно и то же: половинку тоста с сыром чеддер и половинку с джемом.

Когда в конце июля вернулся сосед Клайва, Йен, до Сэм дошло, что они до этого никогда не проводили время вместе в компании других людей.

Квартира в присутствии Йена выглядела для нее иначе. На кофейном столике он держал пепельницу, набитую окурками. И любил притаскивать бездомных кошек.

– Не только кошек, попрошу заметить, – сказал Клайв. – Однажды он принес сюда лису.

– Лисенка, – поправил его Йен, как будто это что-то меняло.

Дом пах сигаретами и мужчинами. На полу лежал оранжевый ворсистый ковер. Кухня была тесной, раковина была забита посудой.

Когда приходили друзья Клайва, она терялась. Некоторые из них были женаты; кто-то даже успел развестись. Они работали в рекламе, IT или занимались связями с общественностью. Один парень был фармацевтом. Сэм подозревала, что все они относились к ней как к малолетней дурочке, и, к своему большому раздражению, она так себя и вела в их присутствии, по большей части храня молчание.

Ей нравились брат Клайва Майлз, его жена Никола и их двое детей. Никола была из тех женщин, которым нравились другие женщины. Она сказала Сэм: «Я так рада, что рядом есть еще одна девушка!» Она отправляла ей ссылки на лондонские распродажи, приписывая: «Как бы я хотела пойти!»

Но они жили далеко за городом. Сэм и Клайв их почти не видели.

Мать Клайва напугала ее. Она оказалась почти старушкой. Руки у нее были морщинистые, волосы совсем седые. Она так смотрела на Сэм, что та краснела от стыда, как будто у матери Клайва стояла камера в его спальне, и она видела все, чем они занимались.

Но когда они оставались одни, это было волшебным.

Клайв показывал ей Лондон, места, до которых туристы никогда не добирались. Они прошли весь лес Эппинг, и хотя тот и располагался совсем неподалеку от кафешек с курицей навынос, магазинов замороженных продуктов и выброшенных матрасов – все-таки это было похоже на побег в страну грез.

Они гуляли, держась за руки, по каналам Маленькой Венеции. Клайв указывал на белые особняки с лепниной, в которых когда-то жили Энни Леннокс, Пол Маккартни и Зигмунд Фрейд. Он сфотографировал ее перед плавучим домом Ричарда Брэнсона. На другой лодке, в плавучем кафе, они остановились выпить чаю со сконами.

Он отвез ее в Лиссабон, Дубровник и Берлин, в города, где они могли снять дешевый номер в отеле или остановиться в свободных спальнях с его друзьями или друзьями друзей. Сэм иногда предлагала более традиционные направления – Париж, Рим. Но, как объяснял Клайв, эти места были слишком переоцененными и дорогими.

– Ну увидишь ты Эйфелеву башню вблизи, и будет она выглядеть точно так же, как на пяти тысячах фотографий, которые ты уже видела, – говорил он.

Не проходило ни дня, чтобы Сэм не замирала, изумляясь этому восхитительному моменту своей жизни.

Клайв любил ее картины, развешивал их по всей квартире.

Он водил ее по всем галереям. Ее любимой была галерея Матильды Грей в Мэйфэре, где выставлялись картины женщин-художниц.

– Это место, где я чувствую себя счастливой, – призналась Сэм. Они возвращались туда снова и снова.

Однажды, когда Клайв был на работе, Сэм болтала с Изабеллой по скайпу, подруга спросила:

– Ну хоть что-то в нем должно быть не так? Обычно мы жалуемся на парней, с которыми встречаемся, но у Клайва, такое ощущение, нет никаких недостатков.

– Так и есть, – подтвердила Сэм.

Она вспомнила о своей недавней находке, но теперь та не казалась достойной упоминания. В самом деле, сама виновата, что подсматривала за ним. Это было дурной привычкой Сэм с тех пор, как ей исполнилось семь и она прочла «Шпионку Гарриет». В детстве ей пару раз здорово досталось из-за того, что она читала дневник своей сестры, Молли. В те крайне редкие моменты, когда ее оставляли дома одну, Сэм рылась в шкафу матери. И нашла старую черно-белую книгу «Радость секса» с десятью страницами фотографий обнаженных мужчин и женщин в разных позах. К ужасу и восторгу ее друзей, она пронесла эту книжку в школу.

Однажды вечером, исподтишка наблюдая за Клайвом, Сэм увидела, как он, просматривая почту, хмуро изучает большой коричневый конверт, а затем сует его на верхнюю полку шкафа. Она не стала задавать вопросов, и вместо этого достала его, когда парень вышел в магазин. Конверт Клайв еще не открывал. Отправителем значился секретарь суда. Возможно, Клайв задолжал – Сэм слышала, как он жаловался Йену на то, насколько он на мели. Она припомнила тот случай, когда его племянник, Фредди, ляпнул: «Папа говорит, что дядя Клайв совершил огромную ошибку, когда он...» – но Никола зажал ему рот ладонью.

Сэм не могла перестать думать о том, что было в конверте. Каждый раз, когда она лезла проверить, Клайв его все еще не открыл. К тому моменту, как она решила подержать его над паром, как в старом фильме, конверта уже и след простыл.

Вскоре после этого она залезла в электронную почту Клайва в поисках подсказок. Она мало что нашла. Была папка с названием «Лора», но сообщений в ней не было. Сэм долго не спала, раздумывая об этом.

До этого она спрашивала Клайва о предыдущих отношениях. Он сказал, что у него никогда не было ничего серьезного.

– А что насчет тебя? – задал он встречный вопрос.

Сэм рассказала ему о Сандживе, как они встречались на протяжении трех лет, как она ладила с его сестрами и родителями и иногда скучала по ним.

– Разве это серьезные отношения? – заявил Клайв. – Вы учились в старшей школе.

Он так сказал, как будто это было сто лет назад, хотя на самом деле с того момента прошло всего три года.

На следующее утро после того, как она обнаружила папку «Лора», Сэм задумчиво произнесла, пока они еще валялись в постели:

– Лора – хорошее имя. Я всегда думала, что однажды назову так дочь – Лора. Красиво, правда? Как Лора Линни.

Сэм подумала, что он может сказать: «Так звали мою бывшую девушку». Или что выражение лица его выдаст.

Но Клайв только сказал:

– Понятия не имею, кто такая Лора Линни, но как скажешь, – и притянул ее, обнимая, целуя все ее лицо, от чего она вскрикнула от удовольствия.

Они занимались сексом каждый день, хотя бы один раз. Казалось, это сглаживало любую напряженность, любые сомнения.

* * *

Сэм и Клайв почти все вечера ужинали в парке. Пусть это были всего лишь бутерброды с сыром, салат и бутылка дешевого белого вина, но все же было романтично сидеть рядышком на одеяле, расстеленном на траве.

Она старалась не думать об отъезде. Мысль об этом казалась невозможной. Ей придется вернуться к своей школьной жизни и засыпать без него в постели, просыпаться, не слыша, как он насвистывает какую-то мелодию в душе. Запаха кожи Клайва было достаточно, чтобы ей захотелось плакать, представив, что больше она его не услышит. Когда Сэм строила с друзьями планы на следующий год, то видела, что никто из них не ожидал, что они с Клайвом продолжат встречаться. Из-за этого ей еще сильнее захотелось держаться за эти отношения. Ей вспомнилось предостережение матери, о том, что уехав, она уже не вернется. Часть ее хотела остаться.

Как-то вечером в конце лета, наблюдая, как Клайв скорчил рожицу, вгрызаясь в багет, Сэм расплакалась.

– Я не знаю, что буду делать без тебя, – выдавила она.

– Тогда выходи за меня замуж, – предложил он. – Тогда и узнавать не придется.

Сэм рассмеялась сквозь слезы.

– Мама убьет меня, если я не вернусь и не закончу колледж.

– Это всего девять месяцев, – заметил Клайв. – Ты вернешься, закончишь обучение, мы будем летать друг к другу в гости, а потом ты приедешь сюда, и мы поженимся. Что скажешь?

Все это время ее жизнь шла в определенном направлении. Но теперь она увидела, что ей не обязательно было продолжать следовать ему. Все могло измениться. Все должно измениться.

– Хорошо, – ответила она, чувствуя нервное возбуждение.

Он поцеловал ее и перекатил на одеяло.

В следующую субботу Клайв сказал Сэм, что они идут выбирать кольцо. Она представила их двоих в ювелирном магазине, с обращенными на них взглядами, гадающими, что же эти двое тут делают вместе. Представила, как Клайв морщится, глядя на ценники, как он иногда делал, когда читал меню в ресторане.

– Полеты туда и обратно в течение учебного года и так влетят в копеечку, – заметила она. – Может, нам стоит подождать с кольцом и сэкономить деньги. Если честно, не так уж мне оно и нужно.

– Так практично, – улыбнулся Клайв. – Ну хорошо. Но кольцо мы все-таки купим при случае. Я тебе это обещаю.

Сэм почувствовала облегчение при мысли, что уедет она без кольца. И решила не задумываться о причинах этого ощущения.

С того момента Клайв представлял ее всем как свою невесту. Она рассказала друзьям, что они вроде как помолвлены. Но родителям сообщить эту новость она не посмела, и это казалось плохим знаком. Но Сэм никогда не делилась с Клайвом своими сомнениями. Она уехала из Лондона, зная, что их разлука временна.

Сэм любила его. Правда любила. Но иногда, задумываясь о своем будущем, она видела себя замужем за кем-то более подходящим. Или то был ее страх? Чужие голоса в ее голове? Все твердили, что нужно слушать свое сердце, но Сэм так и не смогла услышать, что оно ей говорило.

6

Когда Клайв написал, что его самолет приземлился, Сэм стояла у выхода из зала прибытия, чувствуя, что ее сейчас может стошнить.

К тому моменту, когда она его увидела, девушка уже вся извелась, не зная, как ей встать и что сказать.

– Малышка! – окрикнул он ее, подходя и сразу же притягивая к себе для поцелуя, что казалось уместным, но все-таки Сэм почувствовала смущение и неловкость, как будто это была первая встреча двух незнакомцев, вступающих в брак по расчету.

– Как прошел полет? – сухо спросила она, пытаясь вести себя естественно.

– Хорошо, – ответил Клайв и с любопытством посмотрел на нее. – Ты в порядке?

– Ага. Я так рада, что ты здесь.

Когда они подошли к машине, сразу стало понятно, что им срочно надо залезть на заднее сиденье и заняться сексом прямо здесь, на многолюдной автостоянке. Сэм запомнила вид голый задницы Клайва и его бледных ног на синем виниловом сиденье, спущенные, болтающиеся у щиколоток штаны. Сэм села на него сверху, в своем летнем платье, на виду у снующих путешественников.

После секса ей полегчало. Они ненадолго прилегли прямо в машине, и она рассказала ему о вечеринке, о пьяной истерике Изабеллы из-за парня, чье имя та даже не помнила.

По дороге он подмечал все, что отличалось от Великобритании, точно так же, как делала она, впервые оказавшись в Лондоне.

Клайв рассказывал ей о книге, которую начал читать в самолете, об истории лейбористской партии. Сэм пыталась следить за его мыслью, но она ничего не знала ни об их истории, ни о ключевых политиках. Он был такой умный. Ему нравились документальные фильмы о природе, и он никуда не ходил без книги в рюкзаке. Клайв заставил ее задуматься об американской системе образования. Он был более начитан, чем любой выпускник колледжа, которого она знала.

Сэм иногда привирала, чтобы создать лучшее впечатление о Клайве. Резюме не отражало его.

Когда они подошли к общежитию, она услышала, что в столовой вечеринка еще в самом разгаре, и потащила Клайва наверх.

В коридоре на их этаже было пусто, на полу валялись красные пластиковые стаканчики и бумажные тарелки. Сэм испытала облегчение. Им не придется пройти через толпу любопытных пьяных девушек, как она боялась. По крайней мере, не сегодня вечером.

Мусорное ведро лежало на боку, сангрия тонкой струйкой вытекала на зеленый ковер.

Сэм зашла в свою комнату. Изабеллы не было, ее кровать была аккуратно заправлена.

– Я узнаю это место, – заметил Клайв.

Сэм не сразу его поняла, но потом вспомнила их видеозвонки.

– Никогда раньше не видел эту половину комнаты, – продолжил он.

Она представила, как они пойдут прогуляться, хотя посмотреть в округе было не на что. Клайв сказал, что устал. Они забрались в постель, и он прижал ее к себе, моментально засыпая.

Сэм лежала в его объятиях, вдыхая знакомый запах мыла, исходящий от его кожи, пораженная тем, что он действительно здесь.

Обычно в такой час она представляла, чем он сейчас занимается. Скорее всего, спит. Если бы это была суббота, Клайв бы танцевал с друзьями в клубе. Когда они жили вместе летом, Сэм никогда не ходила с ним. Он часто приходил домой в четыре или пять утра. Однажды она спросила его соседа Йена, как им удается столько не спать.

– Экстази, дорогая, – ответил тогда Йен. Увидев выражение ее лица, он добавил: – Прости, я все забываю, какая ты неиспорченная.

Иногда Сэм просматривала отзывы на экскурсии туристической компании, где работал Клайв, в поисках упоминания о нем, хотя потом всегда жалела об этом.

«Мы с подругами трижды были на экскурсии “Привидения Лондона” – главным образом, из-за красавчика-гида», – написала одна женщина.

Другая ей вторила: «Мы были на прогулке по Хайгейт-вилладж в воскресенье. Небольшой размер группы. Интересный взгляд на район, о котором я ничего не знала. Мой муж сказал, что наш сексуальный гид излагал факты быстро и небрежно, но я думаю, он просто завидует».

Сэм встала с кровати и села за стол. Она зажгла лампу и начала читать свое задание по истории искусств. «Это мило», – сказала она себе. Ведь этого ей и хотелось. Клайв был здесь, и она жила своей обычной жизнью рядом с ним.

Она попыталась сосредоточиться на книге. За выходные нужно было прочесть триста пятьдесят страниц, что казалось невозможным, но Сэм знала, что так или иначе справится.

До колледжа она ходила в государственную школу. Учителя обычно любили ее, потому что Сэм вела себя хорошо и ничего от них не требовала. Хорошо училась, хотя и не старалась специально. А еще она была известна своими картинами, которые всегда получали награды на школьной художественной выставке.

В девятом классе ее лучшая подруга Мэдди отправила на конкурс молодых художников, спонсируемый Лигой искусств Новой Англии, одно из полотен Сэм – парусные лодки в гавани Кейп-Код. Сэм выиграла. Она поехала на прием к губернатору, ей вручили чек на триста долларов. В тот момент она ужасно любила Мэдди. Сама Сэм никогда бы не решилась поучаствовать в конкурсе. Но с тех пор серьезно занялась живописью.

Когда-то она мечтала стать художником. Но теперь, благодаря словам сокурсников и профессоров, знала, что недостаточно талантлива.

«Работа уверенная, но не слишком оригинальная», – так одна преподавательница отзывалась о ее выпускной работе. Во время разбора одноклассница, глядя на одну из картин Сэм, заметила: «Есть в ней что-то, не знаю, от картин в гостиничных номерах».

Сэм любила писать пейзажи, портреты и вазы с фруктами. В ее полотнах не было надрыва, и это казалось скучным. Но надрыва не было и в ней самой.

Попав в колледж, она почувствовала, что и академическая успеваемость становится для нее проблемой. Такого она не ожидала. После того как Сэм получила первую и единственную в своей жизни тройку, она поняла, что ей придется работать усерднее, если она хочет не отставать от девочек, которые посещали подготовительные школы Новой Англии и проводили свои летние каникулы в поездках по Европе.

Она обнаружила, что при определенных усилиях получает удовольствие от учебы и преуспевает. С момента поступления Сэм ни разу не пропустила занятия. На первом курсе она подсчитала, сколько в конечном итоге будет должна по студенческим кредитам, и разделила эту сумму на количество часов, необходимых для получения диплома, а потом – на количество пар по каждому предмету. Когда ей хотелось пропустить «Историю европейского декоративно-прикладного искусства XV–XIX веков» или «Создание современной визуальной культуры», Сэм напоминала себе, что таким образом пустит на ветер пятьдесят семь долларов.

Ее подруга Шэннон рассказала ей о показателях академической успеваемости. Сэм никогда раньше не думала о каких-то наградах, но теперь хотела получить их любой ценой. Иногда ей казалось, что они с Шэннон соревнуются, но то была здоровая конкуренция. Как выразилась Изабелла, им обеим было суждено победить на Олимпийских играх для ботаников, вопрос заключался только в том, кто выиграет серебро, а кто золото.

Изабелла и Лекси периодически пропускали целые учебные дни. Изабелла называла это «днями психического здоровья» и смотрела телевизор, не вылезая из кровати.

Лекси удочерили из Кореи, когда ей был год. Ее мать была четвертой женой отца. Лекси была единственным ребенком матери и пятым ребенком отца. К тому времени, как она пошла в детский сад, они развелись. С тех пор они с матерью жили в роскошной двухэтажной квартире в Чикаго с видом на озеро Мичиган. Лекси посещала среднюю школу для девочек, обучение в которой стоило столько же, сколько в колледже.

– Там все либо страдали от булимии, либо были kleptomанками, – поделилась однажды Лекси. – Полная глупость.

Сэм тогда задумалась, к какой категории относилась сама Лекси.

Три поколения женщин из семьи Изабеллы учились в этом колледже, она была четвертой. Подруга хвасталась, что поступила бы, даже если бы подожгла библиотеку во время собеседования. Французское отделение носило имя ее бабушки. (Сэм не очень понимала, что это значило. Где-то на двери кафедры висела мемориальная табличка или что? Она решила, что, наверное, имелось в виду нечто большее, но спрашивать не хотела.)

Сэм думала, что ее взяли из-за ее эссе. Речь в нем шла о президенте Вашингтоне – о Ширли Вашингтон, президенте колледжа. Когда она его писала, то понимала, что тема рискованная и граничит с подхалимажем. Но все написанное было правдой: когда Сэм училась в старшей школе, президент Вашингтон произнесла речь, которая потом разлетелась по всему Интернету. Она рассказала о том, как была первой в своей семье, кто получил высшее образование, о том, что для учебы не должно существовать препятствий, что все женщины достойны первоклассного образования, независимо от их расы, возраста или платежеспособности. Когда Сэм посмотрела это видео, то как будто очнулась ото сна.

Поступив в колледж, Сэм узнала, что не была одинока в своей любви. Президент Вашингтон была знаменитостью. Ее улыбка, брошенное на ходу приветствие – студенты говорили об этих знаках внимания от нее неделями. Когда она выступала в Дрисколл-холле, все скандировали ее имя: «Шир-ли! Шир-ли! Шир-ли!» Они топали ногами так, что казалось, балкон рухнет, не выдержав их энтузиазма.

Сэм попыталась вернуться к чтению, но не смогла сфокусироваться на словах на странице. Она продолжала бросать взгляды на Клайва, словно желая убедиться, что этот парень действительно спит в ее постели.

В последнее время девушка боролась с ощущением, что ее жизнь в Америке была лишь подобием ее настоящей жизни в Лондоне. Но теперь он был здесь, и Сэм чувствовала себя странно. Ей нужно было проветриться.

Она спустилась по черной лестнице и через столовую прошла к выходу на улицу. Пахло потом и дезодорантом. Ей казалось, что она оказалась в какой-то иной вселенной.

Столы и стулья отодвинули вплотную к стенам, чтобы освободить место для танцпола, который был заполнен младшекурсницами со всего кампуса, флиртовавшими с парнями, которые уверяли, что они из универа, хотя половина из них, скорее всего, еще училась в старшей школе.

Сэм не увидела в толпе никого из своих друзей. Вероятно, они стояли где-то в углу и разговаривали между собой. Два или три года назад кто-то из них еще мог флиртовать, пытаясь с кем-нибудь познакомиться, но теперь они хорошо знали, что здесь ловить нечего. Если парень пытался завязать разговор с одной из них, остальные обступали ее, давая понять, что все попытки напрасны.

Двое юнцов стояли у стола, что-то обсуждали, время от времени толкая друг друга. Подойдя поближе, Сэм увидела, что коротышка в коричневой куртке водил открывашкой для бутылок взад и вперед по столешнице, корябая дерево.

– Можешь перестать? – спросила она. – Здесь вообще-то люди живут.

Он посмотрел на нее и сунул открывашку в карман.

– Извини, – сказал он.

Сэм была поражена своей же прямолинейностью. Даже впечатлена. Ей не терпелось рассказать об этом Габи.

Ее друзьям с кухни придется убирать весь этот беспорядок утром. Мария часто говорила, что вырастила двоих мальчишек, но и представить себе не могла, насколько отвратительными могут быть студентки колледжа. После каждой субботней вечеринки на полу в столовой оставались лужи рвоты.

Каждую весну в кампусе устраивали бои с едой. Похоже, никого не интересовало, кто будет убирать последствия, но это были они, друзья Сэм, а также обслуживающий персонал из других общежитий. Она всегда приходила им помочь, хотя они и отказывались.

Габи, Мария и Делми жили в Уивервилле, городе в тридцати милях вверх по шоссе, о котором Сэм слышала, но никогда там не была. Каждый день они по часу добирались до кампуса на автобусе. Работая в утреннюю смену, усталая или с похмелья, Сэм всегда старалась не жаловаться. Ей-то достаточно было только встать с постели, умыться и спуститься вниз, чтобы приступить к работе.

Когда она только начала работать с ними, женщины общались, в основном, между собой, не обращая внимания на студентов на кухне, только изредка указывая им, что делать. Почему-то Сэм захотелось тоже участвовать в разговоре. В какой-то момент она услышала, как они шепчутся о брате Делми, которого ранило на стройке.

Она выпалила:

– Мой папа тоже работает в жилищном строительстве.

Вообще-то, он был прорабом.

– Я первый человек в нашей семье, который учится в колледже в таком месте, – добавила она.

Сэм отдавала себе отчет в том, что делала. Она пыталась сказать: «Я одна из вас, я не такая, как они». Немного отчаянный ход, но, похоже, сработало. После этого она вошла в их круг. Женщины разрешали ей хранить свою замороженную смесь для дайкири и куриные наггетсы в морозилке на кухне и даже дали ей ключ, чтобы она могла достать свою еду в любое время.

В конце каждой недели, когда работницы разбирали холодильники, Мария упаковывала все прилично выглядящие остатки еды, чтобы они с Делми могли забрать их домой. Иногда она заворачивала что-то и для Сэм.

– Я положила тебе кое-что из твоего любимого, – говорила Мария, сжимая ее руку.

* * *

Сэм сидела на крыльце, не обращая внимания на людей, спящих вокруг.

«Вольво» Рамоны было припарковано перед кампусом. Сэм узнала его по слегка покосившейся наклейке на бампере «Обама'08». Вполне возможно, стикер прилепила сама Рамона, хотя в 2008 году она еще не могла ни водить машину, ни голосовать.

Все друзья Сэм жалели, что не родились на четыре года раньше, чтобы стать частью той исторической ночи. В год избрания Обамы президентом Сэм исполнилось пятнадцать. Она помнила гудение машин и одобрительные крики на их тихой пригородной улице. Шэннон рассказывала, что тогда впервые увидела плачущего отца. По его словам, появление президента, похожего на него, было одним из величайших сюрпризов в его жизни. Он не думал, что это возможно, пока это не случилось.

В 2012 году она пошла на выборы с друзьями. Они сфотографировались перед школьным спортзалом, где впервые проголосовали, выстроившись плечом к плечу, как старшекласс-

ники перед выпускным балом. Это было захватывающе, но в том году уже не чувствовалось напряжения предыдущих выборов. Они едва обращали внимание на опросы. Все уже знали, кто будет победителем.

Сэм подумала, не написать ли Изабелле, прося ее спуститься и поговорить. Изабелла всегда хорошо отзывалась о Клайве, и Сэм знала, что подруга делала это ради нее. Когда Сэм поинтересовалась, не торопится ли она с замужеством, Изабелла ответила: «С одной стороны, конечно. С другой стороны, полгода совместного проживания не равны шести месяцам просто отношений. Это как возраст у собаки».

Сэм ей не написала. Она была почти уверена, что довольно скоро снова почувствует себя нормально. Ей не хотелось, чтобы у Изабеллы осталась какая-то неприятная история о Клайве, которую она запомнит и предъявит потом в качестве аргумента не в его пользу. К тому же, Изабелла попыталась бы затащить ее на вечеринку, а это могло бы быть похоже на предательство Клайва.

Минут через десять Сэм почувствовала знакомое желание быть с ним рядом. Она привыкла отгонять его от себя. Но в этот раз Клайв был прямо здесь, наверху.

Вернувшись в комнату, она обнаружила, что парень уже не спал. Он валялся в постели, подперев рукой голову, и ждал ее, знакомо ей усмехаясь.

Она почувствовала вспышку желания.

– Где ты была? – спросил он.

– Просто вышла проветриться. Я думала, ты отключишься до утра.

– Неа. У меня открылось второе дыхание. Ты мне обещала прогулку, пойдём.

– Уверен? – улыбнулась Сэм.

– Ага.

Они шли по центру города, держась за руки и смеясь. Все было закрыто, кроме модного итальянского ресторана и бара «Ланчардс», где местные ребята играли в автоматы, смотрели спортивные матчи, заедая их ведрами попкорна, и курили в ванной. Сэм с друзьями часто туда ходили, но только потому, что некоторым из них еще не исполнилось двадцати одного года, а местный вышибала закрывал глаза даже на худшие из поддельных паспортов.

Они с Клайвом сидели на скамейке возле почты, болтали, прижавшись друг к другу, его рука лежала у нее на плечах. Все было так же, как и всегда, когда они были вдвоем. Сэм чувствовала себя пьяной от любви.

Вернувшись домой, они почистили зубы вместе, обнимая друг друга за талию, как бы странно это ни выглядело. Они занялись сексом, а потом смотрели старый эпизод сериала «Фрейзер» и ели шоколадные батончики, которые он привез.

Когда на экране поползли титры, Клайв воскликнул:

– О! У меня же для тебя кое-что есть.

Он встал с кровати, все еще голый, и полез в чемодан, через мгновение вытаскивая из него маленькую книгу в твердом переплете с розами на обложке.

– Не совсем то, что я искал, но это тоже тебе, – заметил он. – Увидел ее у мамы дома и подумал, что ты, наверное, никогда ее не читала, но тебе бы понравилось. Это почти идеальный роман.

Он вручил ей книгу.

Сэм прочитала заголовок – «Ангел» Элизабет Тейлор.

Едва она открыла рот, собираясь задать вопрос, Клайв, с ноткой снисходительности в голосе, сказал:

– Нет, это не та Элизабет Тейлор.

– Само собой, – сказала она.

– Это имя стало для бедной женщины проклятием, – продолжил он. – Выйди она замуж за кого-то другого и носи другое имя, возможно, она бы не стала одним из самых недооцененных писателей всех времен.

Сэм задумалась над такой незадачливостью, а Клайв продолжал рыться в чемодане.

Наконец он нашел картонный тубус и вынул из него два рулона бумаги.

– Это тебе от Фредди и Софи, – пояснил он.

Она нарисовала радугу, а он – птицу, и оба написали: «Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ, ТЕТУШКА СЭМ».

– Я скучаю по ним, – призналась Сэм.

Дважды за лето брат Клайва с женой и детьми приезжали к ним на выходные в Лондон. Никола с Майлзом каждый раз устраивали себе свидание на двоих, а Сэм с Клайвом водили Фредди и Софи в магазин игрушек и ужинали. В отличие от других членов их семей, дети никак не оценивали их как пару. Клайв так хорошо с ними ладил. В такие моменты Сэм легко могла представить счастливую семейную жизнь.

– Я обязательно повешу эти рисунки в рамку, – сказала она. – Давай позвоним им завтра?

– Конечно, детка, – согласился он.

Вскоре после этого Сэм заснула, более довольная, чем за все последние недели.

* * *

На следующее утро она проснулась от звука кого-то, кто пытается не шуметь. Она услышала, как открываются и закрываются ящики, и открыла глаза – это была Изабелла, которая рылась в своем комодe.

– Извини! – прошептала она. – Я уйду через секунду. Пытаюсь найти наушники. Ты их не видела?

– Нет, – ответила Сэм, прикрывая одеялом голую спину Клайва.

Конечно, она предполагала, что Изабелле что-то понадобится в комнате, но все же не могла не беситься – вряд ли наушники были предметом первой необходимости.

– Как прошла первая ночь? – спросила Изабелла громким, театральным шепотом.

– Хорошо. А у тебя?

– Как обычно. Лекси выпила бутылку голденрота на двоих с каким-то парнем, и дело кончилось тем, что ее тошнило этими золотыми хлопьями.

– Хмм, – невнятно пробурчала Сэм.

Клайв зашевелился рядом с ней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.